

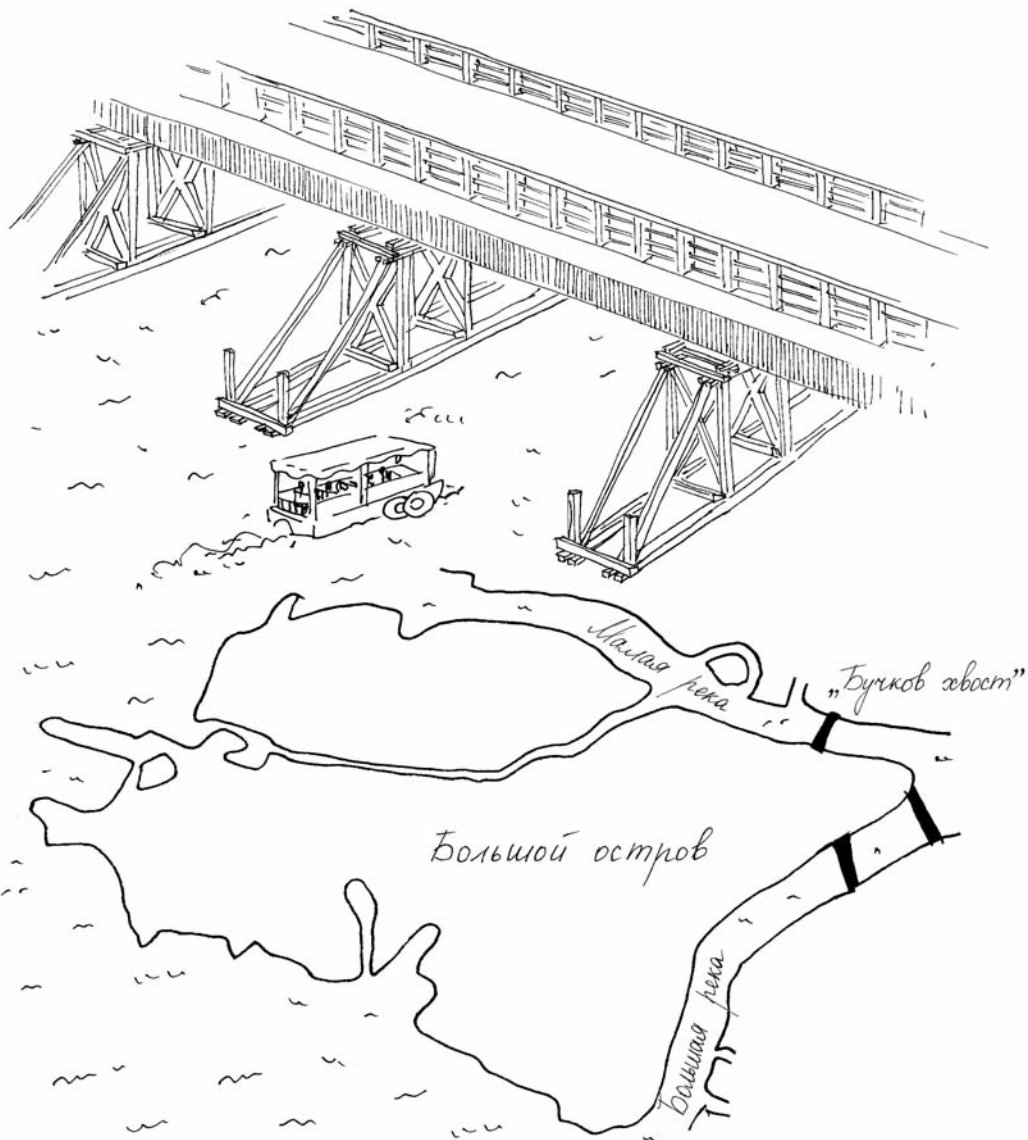
приложение к школьному журналу для семейного чтения

Библиотека «Лексикона»»

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

издание сообщества учеников, учителей и родителей православной школы «Рождество»

МИХАИЛ КУРАЕВ
Операция «Бучков хвост»»

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ПОБЕДИТЕЛЬ В НОМИНАЦИИ
«ПРИЗ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ ПОДМОСКОВЬЯ»

**ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
«ЗА ПРАВСТВЕННЫЙ ПОДВИГ УЧИТЕЛЯ»
2015**

ПОБЕДИТЕЛЬ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЭТАПА В НОМИНАЦИИ
«ЛУЧШИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ГОДА»

СТЕНГАЗЕТА

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ШКОЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ
«ШКОЛИЗДАТ: ПРЕСС-ЛАЙН»
2016

ПОБЕДИТЕЛЬ В НОМИНАЦИИ
«ШКОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ»

Главный редактор
Е. В. Семерикова

Иллюстрации
А. Д. Фролова

Верстка, печать
С. Ю. Мамаев

**Корректурa,
первый читатель**
В. Ф. Шварц

*На обложке коллаж
из рисунков Анны Фроловой*

*Приложение «Библиотека «Лексикона»
издается с ноября 2016 года
по благословению духовника
православной школы «Рождество»
протоиерея Александра Елатомцева*

Все номера журнала «Лексикон» можно
найти на сайте www.shkola-snegiri.ru

Адрес для корреспонденции: 143591,
Московская область, Истринский район,
с. Рождествено, ул. Пионерская, д. 138А.

Электронная почта: rozhd-school@mail.ru

© 2016 Православная школа «Рождество»

RSPR 50-02118-Ж-01

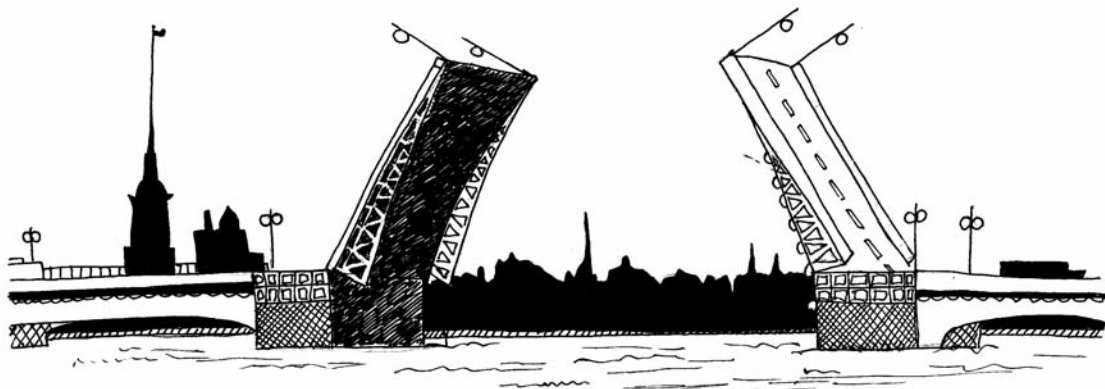

* * *

Дорогой читатель! Ты наверняка удивился, получив в руки не только свежий номер «Лексикона», но и еще что-то совершенно новое – «Библиотеку "Лексикона"». Зачем понадобилось издавать приложение к любимейшему журналу? Дело в том, что наш «редакционный портфель» доверху наполнен текстами хороших авторов и все-таки в журнале настолько мало места, что длинные повести и романы туда просто не помещаются. И очень жаль. Потому что в редакцию «Лексикона» они тоже приходят и мы хотели бы их печатать для наших читателей. Так что мы решили открыть собственную «Библиотеку», как это бывает в настоящих «толстых» литературных журналах и время от времени будем публиковать в ней отдельными выпусками романы и повести. В самом первом выпуске «Библиотеки» вы встретились с повестью, написанной замечательным современным писателем и большим другом школы «Рождество» Михаилом Николаевичем Кураевым. Повесть основана на воспоминаниях о послевоенном детстве автора.

Счастливого чтения!

До встречи в новых выпусках «Библиотеки "Лексикона"»!

Михаил Кураев

Операция «Бучков хвост»

Эдуарду Кочергину – художнику, островитянину

«Вымыслы и преувеличения совершенно не нужны, когда речь идет о личностях, чьи деяния уже принадлежат истории».
Фаддей Булгарин

Человек с карабином, но без бороды

Он поставил свой швейцарский карабин, с которым никогда не расставался, прикладом на землю и пристально поглядел на реку.

У ног его чуть дымился догорающий костер с остатками скромного ужина, то есть скромного обеда.

Он был молод и знал реку как никто другой. Он был коренаст и крепок, выше среднего роста. Теплая непродуваемая куртка служила ему, как и крепкие американские ботинки, круглый год. На поясе из лосиной кожи справа была прикреплена сумка для пуль, а слева висел кинжал с лезвием в двадцать три дюйма и шириной в пять дюймов, почти короткий меч. Кожа на лице, хранящем следы глубоких шрамов, огрубела от солнца, ветра, дождя, жары и морозов. Волевой подбородок, выступавший вперед, утопал в черной коротко стриженной бороде...

Нет, бороды не было, были усы, черные коротко стриженные над верхней губой.

Прищур глубоко сидящих под нависшими бровями глаз был похож на натянутую веревку, скорее, даже на тетиву, обращенную к одной цели, и эта цель была... Была цель! Взгляд светился умом и пронизательностью.

Мысль, мысль – вот зерно события!

Остров, на котором он родился и жил, был расположен в устье Большой реки с множеством рукавов, деливших дельту на тридцать

больших, средних и малых островов. Его Остров был среди них самым большим. С юга его омывало главное русло. Северный рукав, из уважения к его ширине и мощи, именовался – Малая река. Все остальные рукава и протоки именовались с уменьшительными суффиксами.

Он стоял, невидимый для своих врагов, и пытался представить себе, как много рыбы скрывают эти воды цвета мокрого асфальта.

Под порывом осеннего ветра река покрылась рябью, словно ее знобило...

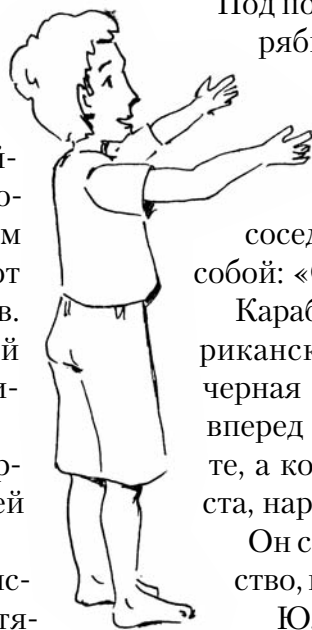
Удар в бок заставил его оглянуться и прислушаться. Тонкий слух не обманул его. Хениш, Илья Хенкин, сосед по парте, шипел, глядя прямо перед собой: «Оглох, что ли? Тебя к доске...»

Карабин, кинжал с лезвием в 23 дюйма, американские ботинки, непродуваемая куртка, черная борода, то есть, усы, и выступающий вперед волевой подбородок остались на парте, а коренастый крепыш выше среднего роста, наружно спокойный, поплелся к доске.

Он сохранял полное хладнокровие и мужество, как человек, привыкший к опасностям.

Юлия Дмитриевна написала два столбца слов с пропущенными буквами, которые теперь нужно было извлечь из небытия и закрыть ими зияющие щербинки.

– За подсказку ставлю в журнал двойку, – устало напомнила Юлия Дмитриевна готовым ринуться на помощь одноклассникам. Голос у Юлии Дмитриевны был глубоким и звучным, редкое контральто, послужившее убедительным основанием для прозвища – «Труба».

Нет, не все тропы, которыми товарищи шли на выручку попухающему у доски, знала уже старая – в свои сорок семь лет – учительница.

«4-д» неплохо владел «немой азбукой». «О» можно было изобразить подобием зевка, «А» – растопыренными пальцами; поковырять в ухе, да хоть бы и коснуться мочки – было достаточно, чтобы напомнить «У».

Перед сыном реки сидели сорок два отборных воина, готовых прийти на помощь.

Испытанные храбрецы скучали в ожидании звонка, поскольку лишь семеро из сорока двух знали, как выбраться из ловушки, расставленной неулыбчивой Юлией Дмитриевной, потерявшей за один артобстрел двух дочерей-близняшек, мужа и младшую сестру. Сама она в ту ночь дежурила на крыше и потому уцелела.

Выуживать подсказку тоже нужно уметь.

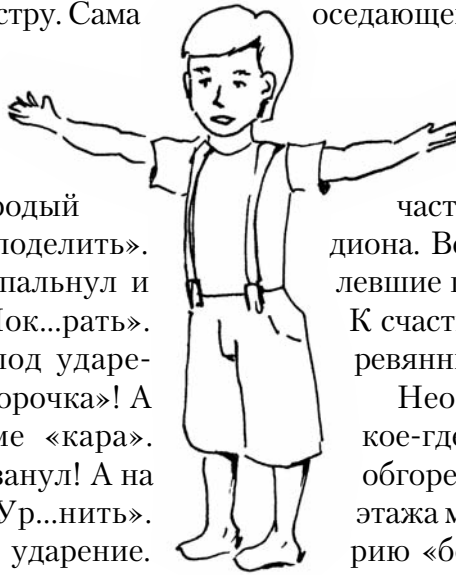
Два слова из восьми безбородый угадал сам – «подарить» и «поделить». Три подсказали. Одно слово пальнул и промазал, сдуру, конечно. «Пок...рать». «Проверяется как? Ставим под ударение...» А на уме-то «корка», «корочка!» А у Юлии Дмитриевны на уме «кара». Совсем другое слово, вот и мазанул! А на последнем, на последнем... «Ур...нить». «Проверяем как? Ставим под ударение. «Рана». Уже хотел вставить в дырку «а», но Хениш, отборный воин! – надо же головой соображать! – вместо того, чтобы опустить руку в проход между партами и показать пальцами «о», сделал губами колечко, да еще и палец приложил... «Непростительная небрежность!»

«Хенкин – два!» – как-то уж слишком буднично, видимо, не радуясь своей удаче, протрубила Юлия Дмитриевна и тут же ринулась, будто только того и ждала, к классному журналу, чтобы немедленно привести приговор в исполнение. Выставив пострадавшему за други своя жирную двойку, Юлия Дмитриевна обернулась к аборигену самого большого острова в дельте Большой реки: «Где ты был, когда я объясняла правило?» «Где был, там уже нет», – готов был сказать абориген, расстроенный из-за Хениша, но сдержался и мысленно опустил карабин прикладом на землю.

«Садись. Три с минусом», – недовольная собой произнесла Юлия Дмитриевна, подумав про себя: «Это мне – три с минусом. Балбес и на тройку не знает. Сколько же подсказок я проглядела?»

«Сочувствую», – произнес счастливый обладатель тройки с минусом, возвращаясь за парту. Двойка влекла тяжкие домашние последствия.

Насмешливо крутя ус, чтобы Юлия Дмитриевна не видела движения губ, он объяснил Хенишу, как надо подсказывать, чтобы не попухнуть, после чего взглянул в окно и снова вернулся на берег реки, где замер в раздумье, пристально глядя на глянцевое течение вспухающей и оседающей на бегу тяжелой осенней воды.

Да, на том берегу было много чего интересного.

Прямо напротив – руины отчасти сгоревшего после бомбежки стадиона. Все, что не сгорело, растащили уцелевшие горожане и сожгли в своих печках. К счастью, трибуны на стадионе были деревянными, так что было чем поживиться.

Неопределенного рисунка руины да кое-где сохранившиеся полуразбитые и обгорелые кирпичные стены цокольного этажа меньше всего походили на территорию «бодрости и здоровья». На фресках уцелевших стен безголовая бегунья в пышных трусах касалась плоской грудью трепещущей финишной ленты, а безногий копьейметатель так и замер с орудием мести в откинутой руке.

А выше по течению упирался золоченым крестом в небо Князь-Владимирский собор, подомашнему – «Успенье на Мокрушах».

И как только такие громады каменные стоят по сути-то на болоте? Кто ж усомнится в силе Духа Святого!

Золоченый крест, укрепленный растяжками, не блестел, поскольку для маскировки был в свое время замазан защитной краской, а отмыть краску еще руки не доходили.

Не лишенная строгого изящества высоченная колокольня собора по праву красовалась в скорбной гордости, поскольку служила горожанам во все дни осады по назначению, а артиллеристам, расстреливавшим город, прекрасным ориенти-

ром. Тихо умиравшие с голодухи священнослужители умудрялись собирать где-то по сусекам последние мучные крохи на свои просвирки и даже куличи. Можно представить себе эти, с позволения сказать, куличики!

Впрочем, первая Пасха в пору осады, праздник Воскрешения Христова, не обошелся без жертв.

Во время Крестного хода иноверцы, отметившие свою Пасху неделей раньше, начали артобстрел. Расчетливо пущенный двухсотмиллиметровый снаряд разорвался на территории храма, оборвав пение праздничного тропаря «...Смертию смерть поправ...»

Храм стоял метрах в трехстах от Малой реки, а прямо на берегу двумя корпусами с граненной башней посередине возвышались, словно неприступный замок, «бироновы конюшни», к которым герцог Курляндский и благодетель российский Эрнст Иоганн Бирон никакого касательства не имел. Да и воздвигли эти, удивительные конюшни, когда Бирона и след простыл, но слава величайшего любителя и ценителя лошадей надолго пережила герцога.

Каждый школьник знал, что широкие лестницы, опоясывающие центральную башню, сделаны для восхождения лошадей с поклажей на второй, третий и четвертый этажи.

Многие глотали слюны, глядя на эти «конюшни», поскольку «все знали», что где-то там наверняка можно найти жмых, величайшее лакомство, доступное лишь молодым зубам... Можно было бесконечно долго сосать, лизать и царапать зубами эту каменную плоть, незаметно для глаз истончавшуюся и округлявшуюся, как прибрежная галька...

Почему склад при Пеньковом буяне горожане посчитали конюшней, уже никто сегодня не вспомнит. А опоясывающий центральную башню пандус, действительно, служил лошадям для доставки груза наверх. Сама же башня была «важней», сооружением для взвешивания посту-

пающего сюда с пристани пенькового и льняного товара. Исключать же наличие чего-нибудь съедобного в этих складах было бы опрометчиво. Где пенька да лен, там и масло льняное, хотя бы и техническое, но при отсутствии всякого другого еще как годящееся в пищу...

Мосты, как протянутые руки братства и дружбы, соединяли городские острова.

Город был молод и потому не унаследовал непрременной отечественной потехи – драки на мосту. Испокон веков на Руси «зареченские» с «городскими», как было принято, доказывали свое нравственное и, главным образом, физическое превосходство праздничным

мордобоем, сходясь «стенка на стенку» на мостах. Трудно сказать, почему обитатели этого города не унаследовали славной национальной традиции, и в этом смысле, как и во многих

других, держались наособицу. То ли город был действительно слишком молод, то ли сами горожане затруднялись определить, обитателей каких островов считать «зареченскими», а каких – «городскими». И действительно, Городской остров, с которого и началось строительство города, со временем оказался «зареченским».

Стыковки, нет-нет и происходившие после уроков на узкой береговой полоске Малой реки, ниже моста, напротив школы, при желании вполне можно считать продолжением старинной богатырской традиции.

Город был, безусловно, русским, но Русью пахло в других городах, пожалуй, сильнее. И чего бы это ради, основатель города за два года до смерти повелел перевести лютеранский и кальвинистский катехизисы на природный русский язык? Не было у императора напоследок других дел? Не от этой ли заботы о просвещении большие вельможи, тот же Михаил Голицин, или, к примеру, Алексей Апраксин, подались в римско-католическую веру, за что как раз Голицына в назидание прочим обратили в шуты. Так что мужественная монаршая рука русский дух укрощала, а женственная, в последующее царствование, как могла, взбадривала.

Каменной набережной в ту пору еще не было. Мостовая, затоплявшаяся в средней руки наводнение, шла метра на полтора выше береговой полосы из камешков и обломков кирпича вперемешку с битым стеклом, смачиваемых наплеском мелкой волны.

Здесь-то ученики сугубо мужской средней школы, скрытые откосом от редких в этих местах прохожих, проводили стыковки до первой кровянки, надо думать, по правилам более древним, чем сам город.

Выбор места для кулачных поединков исторически, скорее всего, будут объяснить близостью детской больницы, построенной во имя Марии Магдалины и расцветшей под именем Веры Слуцкой. О том, что детская больница носила имя героини евангельского предания, не давал забыть самый узкий и самый короткий переулок в городе, даже не переулок, а тупик, сохранившийся и в самые безбожные времена свое изначальное наименование – Магдалинский.

В стене больницы, выходящей в этот тупичок, была оборудована ниша, в нише помещалась корзина с одеялом и пеленками. Попавшие в безвыходное положение мамыши со свертком в руках шли в этот тупичок. Оглянувшись по сторонам и непременно перекрестившись, клали сверток в корзину, дергали шнурок колокольчика, оповещавшего о вновь прибывшем или прибывшей, и, натянув платок до бровей, а то и спрятавшись под поля широкой по моде шляпы, с оглядкой выходили на 1-ю линию и, облегченные, шли жить дальше.

Выбор места для стыковок объясняется вовсе не близостью детской больницы. Рядом с мостом, вниз по течению, в виде павильона из фигурного кирпича, в каких на курортах пьют минеральную воду, был расположен общественный туалет, которому предстоит занять свое место в этом правдивом повествовании. Здесь после боя можно было прийти в себя, умыться, привести в порядок одежду, вытереть слезы, замыть кровь и обсудить с секундантами свои дальнейшие действия.

Время стояло довольно холодное, хотя была всего лишь середина сентября.

Ветер трепал его челку, единственное украшение головы, разрешенное для достигших чет-

вертого класса. Хотя война уже кончилась, с первого по третий всех стригли под «ноль», словно готовили в новобранцы.

Скрестив руки на груди, он стоял неподвижно и молча. Лицо у него было умное и благородное. Ужасно хотелось есть.

«Рыбы не видно, но она здесь. Рыба есть, и нет рыбаков».

Рыбаки, обычно, стоят на Большой реке, чьи берега одеты в гранит. В щели между гранитными блоками набережной рыбаки вставляли рогатинки донок с колокольчиками и спокойно ждали, когда звон колокольчика принесет благую весть о том, что какая-то еда зацепилась за другой конец снасти.

«Нет, на Большой реке делать нечего. Рыбу надо брать здесь!»

Снизу, уже второй раз за день, показался измазанный, как беспризорник, буксир «Тосно». Буксир должен что-то таскать, буксирить, а не бегать взад-вперед, как бегают по двору собака, потерявшая куда-то припрятанную кость. А может быть, последний и бесприютный, он носился в поисках пристани или затона, куда бы мог встать на зимний ремонт и отдых. Флаг на корме, истрепавшийся и прокопченный, ничего не говорил о государственной принадлежности судна, а вот латунные серп и молот, приклепанные к опоясывающему прямую дымовую трубу бордовому бандажу, наглядно свидетельствовали о том, что трудяга служит рабочим и крестьянам. А может быть, он мчался изо всех своих последних сил, спеша исполнить полученную за свою неприглядность команду: «Сгинь с глаз долой!», и, не смея ослушаться, летел теперь прямо на мост. Из недр машинного отделения вылез то ли кочегар, то ли механик в замасленном офицерском кителе со споротыми погонами и, откинув стопорные накладки, ухватился за штангу, удерживавшую извергавшую дым высоченную трубу. Буксир неся к мосту, двадцатью деревянными опорами перегораживавшему реку.

Когда-то, лет двести назад, это был самый длинный мост в городе, девятьсот метров, почти километр. На глубокой части реки, в середине, был устроен наплавной плашкоут для пропуска судов, а от берегов, на мелководе, мост опи-

рался на листовничные сваи, каменеющие в воде. Говорят, тот мост от непотушенной папиросы сгорел. В летнюю жару, когда доски исходят расплавленной смолой, все возможно. Построили новый, сохранив ему старое название. Теперь это был двадцатипролетный мост с разводной частью в два крыла посередине. По ночам крылья поднимались и опускались ручной лебедкой. А днем в три средних пролета спокойно могли прошмыгивать небольшие суда, буксиры с баржами и речные трамваи. Происхождение названия моста имело две версии, то ли по имени подрядчика, то ли по имени инженера, строившего еще самый первый мост, длинный, километровой. Теперь раскопали еще и третью версию происхождения названия. Наверное, как раз поэтому мост не был подвергнут переименованию, что регулярно происходило со всеми большими мостами в городе. Да и могла ли эта деревянная сороконожка, растянувшаяся от берега до берега, выдержать имя Клары Цеткин или Розы Люксембург?

С берега казалось, что капитан, очертя голову, ведет свой корабль на таран моста. Однако, не доходя метров сорока до центрального про-

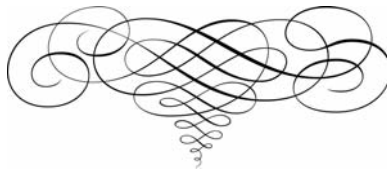
лета, кочегар-механик трубу завалил, исчезнув в клубах дыма, пластавшегося от шкафута до кормы. Как только извергающая дым галоша благополучно проскочила под мостом, труба вновь поднялась во весь свой рост, и дым снова устремился вверх, предварительно обкулив на мосту редких пешеходов и трамвай-американку, послуживший горожанам еще и в пору осады.

«Вскоре пирога, управляемая сильной рукой, исчезла в излучине реки».

Он стоял, опустив швейцарский карабин прикладом на землю. Перед ним лежала земля, разоренная войной и едва приходящая в себя после тяжелых бедствий.

Ристалище на том берегу реки, собиравшее до войны двадцать тысяч граждан на неприемлемые схватки атлетов и футболистов, являло скорбное зрелище. И зачем это понадобилось бомбить стадион? Может быть, бомбили как раз мост и промазали? Впрочем, расположенный неподалеку зоопарк тоже бомбили. Убили слона, приумножив славу германского оружия!

С мостами городу повезло, за все девятьсот дней осады ни одного прямого попадания, ни в один из трехсот городских мостов.

Глава, без которой не понять ни предыдущую, ни последующие

Он был тверд и стоек, но, когда забывал, что он «тверд и стоек», наружу выходила склонность к мечтательным созерцаниям.

Склонность эта не была врожденной. Она сформировалась под воздействием одного из двух наиболее действенных, по мнению матери, воспитательных средств.

Средством №1, разумеется, испокон веков признавалась порка. Деток порол и в избах, и во дворцах. Порка была традиционным универсальным воспитательным средством широкого профиля, несущим в себе, быть может, лишь отдаленное и не всегда ясное воздействие на формирование характера.

Нужно было совершить что-то чрезвычайное или вывести мать из себя, чтобы она хваталась за оставшийся от отца американский офицерский ремень с выдавленным под пряжкой на коже двусмысленным девизом «Рiопеег». Мать при этом бледнела, била, выкрикивая бесконечное «Будешь?!. Будешь?!. Будешь?!.» Порка всегда производилась во имя светлого, не отягощенного преступлениями будущего. Посредством тяжелого ремня ставилась точка, вернее, многоточие в определенном направлении деятельности, главным образом, младшего сына. «Будет этому когда-нибудь конец?.. Будет этому конец?..» Исполнив экзекуцию и отбросив ремень, мать валилась без сил на кушетку и плакала почти беззвучно, как плачут в глубоком горе.

Подвергнутый наказанию за драку с девочкой во дворе, за политого из окна водой милиционера, за опрокинутую на скатерть чернильницу и все в таком роде, искренне вопил сквозь слезы: «Больше не буду...»

Разумеется, теперь милиционеры могли безбоязненно ходить у них под окнами, но что послужит поводом для следующего дёра, юные островитяне и сами не знали.

Мать понимала бессилие даже тяжелого ремня в воспитательном процессе и была права.

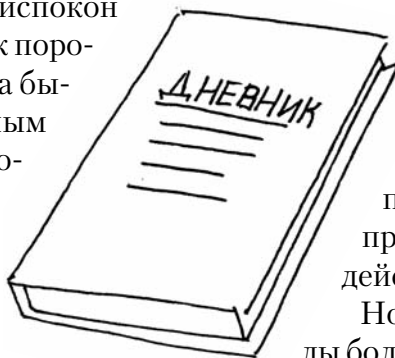
Ремень, прямо скажем, не оставлял сколько-нибудь заметного следа в душе воспитанников. Поверхностное же воздействие, увы, было недолгим. А вот другое средство применялось только к младшему и должно было служить как

наказанием, так и стимулом к успешной учебе и примерному поведению.

Стимул, он же стрекало, как известно, штука жесткая. Это острая палка погонщика, которой он тычет, к примеру, слона в загривок, побуждая к действиям на пользу человечеству.

Но стимул стимулу рознь. Есть стимулы болезненные, но оставляющие след только на загривке толстокожего животного, а можно придумать и такие, что будут оставлять след в еще не отвердевшей, пластилиновой впечатлительной мальчишеской душе.

В субботу мать требовала дневник, мельком смотрела на обернутый в синюю бумагу, как пакет рафинада, дневник старшего, коротко, но с чувством произносила: «Молодец. Порадовал

Понедельник	Взвешивать чт.		
	Рисование	Продолжает драксь,	
		никто его не трогает!	
	Русский яз. 2	«Яна на все»	накарает
19	Английский яз.		4

маму!» и брала в руки дневник младшего. Были недели, когда писать замечания учителям уже не хватало места, и разворот с недельным расписанием выглядел, как траурное извещение, в обрамлении записей не только внизу страницы, где расписывалась Юлия Дмитриевна, но и на полях, и вверху страниц. Была неделя, когда пришлось писать даже у корешка дневника. Событие случилось в конце недели, и свободного места для включения его в историческую хронику уже не было. «Залез циркулем Ивлиеву в нос». Педагоги понимали, что такое должно быть занесено в анналы!

Мать вертела дневник, читая скорбную хронику минувшей недели и на полях, и у корешка дневника. Горько сжатые губы и печальное покачивание головы означало предвидение именно таких результатов прожитой недели. «Что же из тебя будет? Кем же ты вырастешь?» – произносила мать, стараясь не думать о нелегкой судьбе, ожидающей безнадёжного сына.

Безуспешная борьба с двойками и записями в дневнике о нарушениях дисциплины заставили мать прибегнуть к жесткому средству. Двоечнику и нарушителю порядка в классе было объяснено: кто работал всю неделю и хорошо себя вел, в воскресенье – отдыхает и получает удовольствие. Кто всю неделю бил баклуши и дурачился на уроках, в воскресенье сидит дома, исправляет двойки или думает о своем поведении и о том, что из него такого вырастет.

В воскресенье мать со старшим братом, двоек не получавшим и благопристойно державшем себя в классе, отправлялись на трамвае №4 на Главный проспект города, где было шесть кинотеатров! где было пять театров нормальных и один кукольный! где на каждом шагу продавали мороженое! воду крем-сода! недорогие треугольные вафли с вареньем внутри!.. А еще там, в Главном «Гастрономе», в кондитерском отделе, продавались нежнейшие булочки, наискось, но не до конца разрезанные, где в прорезь помещался сливочный крем... Булочки по рубль тридцать были сытные и всегда свежие, поскольку раскупались моментально. А много ли радости в пирожных по два двадцать?

Никакие мольбы и обещания, сопровождавшие выход матери со старшим сыном на воскресные удовольствия, на мать не действовали. «Мы все это уже слышали», – строго произносила мать, делая тем самым старшего брата своим союзником и участником воспитательного мероприятия. Старший брат при этих словах сохранял спокойствие, был сдержан, как врач, по должности присутствующий при исполнении казни. В промежутках рева, в паузах для сморкания, мать еще успевала напомнить младшему: «Сама себя раба бьет, коль не чисто жнет». Мать была

человеком исконно городским, никакого отношения никогда к жатве не имела, тем обидней было слышать это сравнение с неумелой работой.

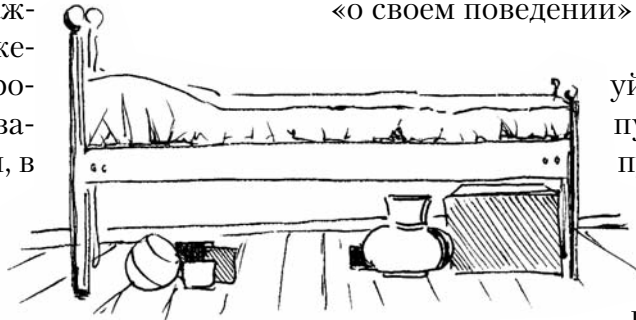
Для воскресных выходов она всегда надевала все самое лучшее, что сохранилось в домашнем гардеробе после обмена наиболее привлекательных вещей на продукты. Но и в том, что осталось, она была необыкновенно красивой, поскольку и поношенные вещи, те же слегка вытершиеся меховые горжетки и манжеты, свидетельствовали о хорошем вкусе. Оглядев себя перед зеркалом на комод, мать брала чайник, проводила пальцем по закопченному дну и потом этой сажой слегка чернила брови. Последний штрих мастера на портрете!

После отбытия матери и брата, лишенный недостижимых наград в виде кино и булочек, младший в рыданиях бросался на кушетку, где голодной зимой в одну ночь умерли бабушка и третий, самый маленький брат, и плакал всласть от жалости к себе. Изрыдавшись, он засыпал. Но спал недолго. Делать было решительно нечего. Ни о каких «исправлениях двоек» и раздумьях «о своем поведении» и речи быть не могло.

Стоило матери с братом уйти, и комната становилась пустой. Он чувствовал эту пустоту и не знал, что с ней делать. Ходил вокруг стола, ходил за перегородку из сдвинутых шкафов, за которой стояла

их с братом кровать... Казалось, он ходит по сцене, где все предметы, отторгнутые от пьесы, мебель, даже окна и двери, утратили прежний смысл, а нового не обрели. В который раз он разглядывал картинки, вырезанные из журнала «Работница» и вставленные в пустовавшие рамки наверху трехстворчатой ширмы, отгораживавшей кровать матери. Из трех картин – «Привал арестантов», «Всюду жизнь» и «Утро стрелецкой казни» – ему нравилась средняя...

Однажды, вот так же маясь и томясь ожиданием чуда, он плюхнулся на кушетку и стал изучать потолок в комнате. И сделал открытие, истинность которого нашла впоследствии подтверждение. По потолку вдоль стен шел гипсовый бордюр. Но по правой стене, за которой была комната Екатерины Теофиловны, бордюра не было.

Стало быть, он уходил за стену и продолжался в соседней комнате. Можно было предположить, что раньше, до того, как просторные квартиры в «поповском доме», жилье причта Благовещенской церкви, преобразились в многолюдное коммунальное стойбище, их комната и комната, где жила Екатерина Теофиловна с горделивой в своей старомодности матерью, была одной большей комнатой... Рассказать об этом старшему брату? Конечно, нет! Сначала надо будет его подразнить: «А что я знаю!? А что я знаю!?!» – и только когда тому надоест допытываться, что же знает младший, показать на потолок и спросить: «Видал?! Не понял!?!»

Но это все потом, а сейчас надо было чем-то себя занять.

Он лежал на подоконнике и смотрел вниз на перекресток Малого проспекта и 6-й линии. По улице шли счастливые люди. Заходили в булочную, в витрине которой стоял толстоногий карапуз в коротких штанишках на ляльках и держал над головой такой же румяный, как и он сам, огромный крендель. В этом доме живет одноклассник Золотуха. Вот он идет с мамашей, наверное, из клуба Козицкого с утреннего сеанса... Вот, вошли в подворотню.

На Острове дома, дворы и подворотни были пропитаны историей – и давней, и совсем недавней, но историю в четвертом классе не преподавали.

А ведь когда-то вот так же в эту подворотню, что на том углу, входил Виссарион Белинский, чья квартира была из подворотни направо, второй этаж, и чей портрет в назидание потомкам был вывешен в школьном коридоре. А в гости к нему через эту же подворотню приходили Герцен, Бакунин...

Доски на доме не было, и потому никто, ни входя в булочную, ни проходя под низкую арку во двор, ни созерцая дом с четвертого этажа в доме напротив, ни великого критика, ни его гостей не вспоминал.

Не вспоминали и знаменитого живописца Шишкина, жившего в этом же доме, разумеется, позже, на четвертом этаже, в пору обучения в художественной Академии, а ведь копия-

ми его картин были украшены едва ли ни все предприятия общепита. Дом-то с виду самый обыкновенный, а каких людей притягивал!

Вот и люди, входившие и выходявшие в проемах на противоположном углу, все на той же 6-й линии, не вспоминали русского художника по имени Архип Иванович, придумавшего себе диковинную фамилию Куинджи. А ведь как раз в этом доме он написал свою «Лунную ночь на Днепре» и «Березовую рощу». Здесь же другой художник, приехавший из Москвы, тоже знаменитый, Илья Репин, написал лучший портрет своего коллеги. Кого только ни повидали лестницы и стены этого дома!

А соседних!..

Человеку любознательному на пути от Малой реки до 7-й линии пришлось бы чуть ли ни у каждого дома приподнимать головной убор, отдавая дань памяти дорогим русской истории жильцам этих домов. Кто-то приподнял бы кепку у дома, где впервые познакомился со своей будущей женой вождем, чье имя примет город. Другой приподнял бы шляпу перед домом, где обитал казачий генерал, тогда еще штабс-капитан. А придет пора, и он-то и станет Главнокомандующим русского войска, и поднимет мятеж против невразумительного, по его мнению, Временного правительства...

Кого только ни повидал Малый проспект Большого острова!

Остров, действительно, большой, если даже Малый проспект у него в три километра.

По-воскресному на улице было много родителей с детьми. Неужели все эти мальчишки и девочки прожили неделю без двоек и замечаний в дневнике? Как бы ни так! Но им – ничего... И хоть кто-нибудь поднял бы глаза, посмотрел бы на затворника... Вон идет Самоваренко с матерью. Мать работает в керосиновой лавке в полуподвале на углу 5-й и Малого. Говорят, она не доливает немножко керосина. В литровом металлическом черпаке на длинной ручке, которым она зачерпывает керосин из квадратной жестяной купели, всегда что-то остается...

Хорошо бы выброситься сейчас из окна. И Самоваренко бы удивился, и рассказал бы завтра в классе, и они пришли бы и увидели, и узнали, что так нельзя... Конечно, самоубиться было бы очень поучительно... Только окно вдруг не откроешь, а пока будешь открывать, так и Самоваренко уйдет... Нет, вошли в продмаг, значит, скоро выйдут. Это что же, стоять в открытом окне и ждать, когда они выйдут? Комната остынет. Нет. Четвертый этаж. Лететь долго. Пока летишь, еще передумаешь... Конечно, лучше было бы застрелиться. Это быстро и наверняка. Но где взять хороший пистолет? Не допотопный наган, с которым ходят мильтоны, а боевой «ТТ», а еще лучше «маузер» или «Вальтер». Только какой же дурак, имея такую вещь, как «ТТ» или «маузер», станет расставаться с жизнью? Это же не только класс, вся школа от зависти вспухнет. Хотя говорили, что старшеклассники ездили в Стрельну, Можайское, Тайцы, откуда можно было хоть пулемет привезти. А дома были только два пистолета, подаренных матерью на «7-е ноября», так ими только мух пугать, да и то пистоны еще до Нового года кончились. А тратить заначку на пистоны смысла не было.

После того, как был прочитан «Робинзон Крузо», а неисправимый островитянин был снова подвергнут воскресному заточению, пустая комната представилась ему необитаемым островом. А это было уже не так скучно! Шкафы могут стать превосходными хижинами. Две кровати и стулья пойдут на сооружение пироги... А если стул поставить на кровать... Поставить можно. А если сесть? Можно сломать шею!

Невероятно! Стоило представить себе комнату необитаемым островом, как все предметы тут же обрели ценность и смысл. Зеркало на комод? Необходимая вещь. Можно солнечным зайчиком привлекать внимание проходящих мимо кораблей! Гитара? Отлично. Струны могут стать прекрасной тетивой для лука, который можно сделать из гнутых деталей кресла-качалки, послужившей всем трем братьям колыбелью... Все

шло в дело, надо было только хорошенько подумать...

Едва ли ни самым тягостным в этом одиночном заключении в воскресный день были даже не одиночество и обида. Когда время приближалось к возвращению матери и брата, всякий раз нужно было придумывать, как их встретить, когда они войдут. Лучше всего было бы – плакать! Пусть увидят!..

Пусть увидят, что они сделали с человеком!

Но человек не может плакать больше, чем он может. Слезы были нерасчетливо выплаканы после их ухода.

Он хорошо помнил их первое возвращение, когда мама после трех предупреждений впервые применила тогда еще новое воспитательное средство. Дело было еще в прошлом году.

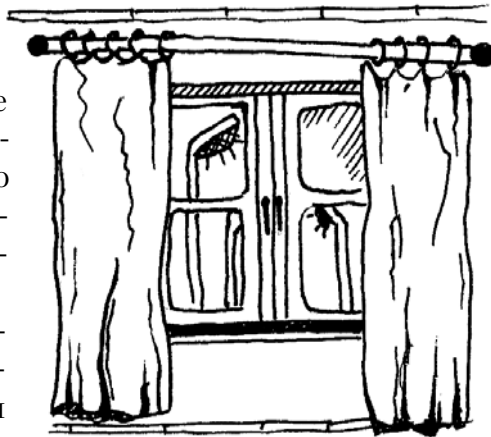
Румяный от уличной прохлады, счастливый старший брат, не раздеваясь, с порога, чуть ли

не из-за портьеры, прикрывавшей дверь наподобие полураздвинутого занавеса, радостно объявил: «А где мы были! Вот здорово!» – словно узник только и ждал рассказа о том, как хорошо на свободе.

Они были на Промышленной выставке, устроенной на Главном проспекте в здании бывшего банка, напротив «Сада отдыха», рядом с бывшим царским дворцом, ставшим прибе-

жищем пионеров. Матушка рассудила трезво: во-первых, вход бесплатный, а во-вторых, ученику тогда еще пятого класса будет интересно познакомиться с достижениями отечественной промышленности.

Пока старший рассказывал о типографской машине «линотип», сочетавшей в себе пишущую машинку и литейный цех, младший слушал, твердо сжав губы. Трудней было выдержать рассказ про магнитофон. Это ящик с зеленым глазком, похожий на радиолу, но вместо круга для пластинок – катушки с узкой пленкой. Когда катушки крутятся, любому из толпящихся вокруг подставляют микрофон и можно, что хочешь, говорить. Первый, самый смелый, полаял. Шутка была записана и к всеобщему восторгу воспроизведе-

дена в точности. Кто-то крикнул: «Меня зовут Дима!» И машина повторила это вырвавшееся из души признание. Мать толкала сына вперед, хотела, чтобы он прочитал басню Сергея Михалкова «Лиса и Бобер», но пока тот собирался с духом, стало поздно. Один хорошо одетый посетитель спросил, можно ли спеть по-польски. Ему разрешили. В этом месте рассказа старший попросил мать, поскольку у нее был абсолютный слух, благородное контральто и отличная музыкальная память, напеть то, что было спето на Выставке. «Чи жучиш мнэ, чи жабше бенеш мою...» – запела мать, легка русифицируя польскую песенку, и тут узник не выдержал встречи со свободой. Не заревел, как во время порки, не взвыл, как от боли, не застонал, как при уколе, не произвел и безотказного нытья, которое иногда помогало разжалобить, нет, он заплакал беззвучно, словно кто-то надавил на него, как на резиновую грушу, и слезы потекли сами собой. Так плачут или от большого горя, или жалея себя.

Мать тут же прекратила пение, а брат строго спросил: «Ты чего это?» Но спросил вовсе не для того, чтобы познать жизнь чужого сердца. Подробности чужой жизни, надо думать, лежали за пределами его интересов.

Он даже не подозревал, что его рассказ о воскресных удовольствиях для кого-то подстать тлеющему венику, которым во времена основателя Города, да и позже, обхаживали окровавленные кнутом спины провинившихся.

Да, возвращение старшего брата домой не обошлось без слез. Это уже были тихие слезы, без рыданий, раскаяний и мольбы. Пока мать грела на общей кухне обед на керогазе, (примус не любила, примусу не доверяла), и собирала на стол, старший рассказывал младшему по свежим впечатлениям только что увиденный фильм.

И как было не плакать, выслушивая «Историю одного гнезда», фильм про дружное семейство аистов, претерпевших всяческие опасности и невзгоды, а один даже погиб.

Но чаще плакать приходилось не только от жалости к аистам, но и от жалости к себе, когда брат,

весело захлебываясь, пересказывал трофейный фильм «Секрет актрисы», недоумевая, почему это младший безмолвно исходит слезами, если «едут леди на велосипеде, громко распевая гамбургский фокстрот». Смешно же. И весело!

Выслушивать рассказы брата было мучительно трудно, но он спрашивал подробности нарочно, чтобы они, если не устыдились, то хотя бы пожалели его, опять лишенного и развлекательного, и кондитерского счастья.

И старший брат охотно рассказывал и рассказывал, уверенный в том, что доставляет младшему удовольствие, а мать просто не обращала на них внимание.

Книг, кроме учебников, в доме не было.

Те, что были, сожгли в осадные зимы, а новыми еще не разжились.

В прошлом году, когда в тоске и печали младший то включал, то выключал радио, то валялся на кушетке, в поисках, чем бы себя занять, проверяя ящики туалетного столика, напоролся на книгу. Книга была, с синим штампом «Парткабинет з-да Судомех». Ее принесла и, видимо, забыла тетя Ляля, сестра отца, работавшая как раз на заводе «Судомех» и учившаяся на вечернем в институте Герцена.

За полгода до прихода врага под стены города незамужняя тетка тридцати лет от роду, владея машинописью и стенографией, была принята в контору управления завода «Судомех». Должность секретаря при начальстве сулила возможность хоть как-то протянуть тяжкую пору осады. Куда там! Когда она увидела в декабре, уже похоронив мать, умершую голодной смертью, как в кабинет начальника несут мешок капусты, встала и не пустила. Сказала, чтоб несли в столовую! Ей объяснили – капуста мороженая! «В столовую! Хоть бы меня постеснялись! Уж лучше на фронт, пусть убьют...» Тетка села и написала заявление. На фронт не пустили. Как сотрудница, причастная к секретной документации по заводу, знавшая акты приемки судов и все профили производства, она имела бронь. На фрон-

те хорошо, если убьют, а то ведь могла, к примеру, раненая, попасть в плен и под пытками выдать доверенные ей секреты завода «Судомех». Отправили в цех. Жила там же, на заводе, на казарменном положении, на складе судового оборудования, маленькой коммуной еще с двумя женщинами. Уговорились, если выживут, собираться после войны вместе за столом, где будет студень из ремней, суп из дрожжей, шроты (не что из опилок) и студень из белого клея... Им повезло. У кого-то студень был из черного, что несравненно хуже. Уже в сорок четвертом тетка брала уроки музыки, чтобы не забыть домашние навыки, и, узнав от врачей, что не сможет иметь детей, поступила в Герценовский на вечернее отделение дошкольного факультета.

Труд академика В. В. Струве «История Древнего Востока» был рекомендован в качестве учебного пособия для гуманитарных вузов, стало быть, и для педагогов дошкольного воспитания, может быть, даже в первую очередь.

Книга лежала давно, в парт-кабинете «Судомеха», видимо, спрос на нее был невелик.

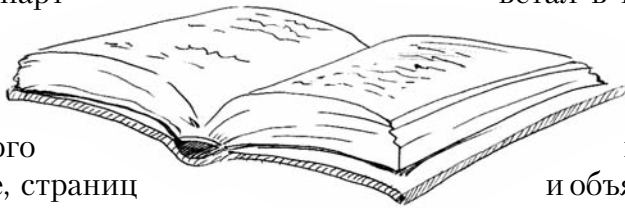
Толстый том в песочного цвета картонной обложке, страниц на пятьсот, был щедро иллюстрирован изображением каких-то плоских людей, словно вышедших из-под утюга. Полуобнаженные, по причине жизни в жарком климате, украшенные высокими шапками, они шагали как-то уж очень не по-людски, смотрели всегда куда-то в сторону и любили выдвигать перед собой правую руку со сжатыми пальцами ладони. На шероховатой, почти газетной бумаге рисунки смотрелись тускло и не будили воображения. Но вот стихи, разбивавшие монолит не очень-то понятного текста, читать было проще, и, раз прочитанные, они даже запоминались.

– Скажи мне, друг мой, скажи мне
Закон земли, который ты знаешь!

– Не скажу я тебе, друг мой,
Не скажу я закон земли,
Который я знаю!

А то сядешь ты и заплачешь...

– Пусть же сяду я и заплачу,
Скажи мне закон земли,
Который ты знаешь...

Из всего этого разговора можно было понять, что один вернулся из загробного царства, где узнал «закон земли», а второй пристаёт, допытывается, и понять его можно.

Дело было в прошлом году, когда младший был еще в третьем, а старший уже в пятом классе. Вернувшись после воскресного выхода в свет, старший был удивлен, почему это братец не спрашивает, где были, что видели. Сам он рассказ не начинал, а рассказать про свой воскресный выход на Главный проспект очень хотелось. Рассказывая, можно было вроде как еще раз пережить все удовольствия.

Старший сменил выходные штаны на домашние, вымыл свои галоши, почистил мамины белого фетра боты, так выручавшие в дни осады, а теперь чуть тронутые молью, и все ждал.

Но вместо того, чтобы начать, как всегда: «И где вы были?», улучив удобный момент, когда мать была в комнате и накрывала стол, младший

встал в позу мужика с египетской картинки, выпростал перед собой полусогнутую руку с открытой ладонью со сжатыми пальцами, и объявил: «Скажи мне, друг мой,

скажи мне, закон земли, который ты знаешь?» «А сам-то ты его знаешь?» – невпопад спросил старший. «Не скажу я тебе, друг мой, не скажу я! Если бы закон земли сказал я, сел бы ты тогда и заплакал». «Почему?» – любопытствовал старший. Мать, раскладывая вилки и ложки, вполуха слушала странный разговор. «Пусть же сяду я и заплачу!» – продолжал младший. – Скажи закон земли, который ты знаешь». «Чего это ты?» – старший не мог взять в толк, о чем идет речь, но чувствовал, что младший узнал что-то не очень понятное, но интересное. Это тебе не кино про бобров, как они свои плотины строят и от пожара спасаются. «А того, кто умер смертью железа, ты видел? – Видел. Он лежит на постели, пьет прозрачную воду...» Как ни старался старший сохранить на своем лице усмешку снисходительного превосходства, младший видел, что дается эта мина не без труда, и брата распирает желание узнать, что это все значит. А это еще значит, что младший ускользает из-под природой узаконенной власти старшего. Млад-

ший не должен быть сильнее старшего, не должен быть умней, не должен больше знать, иначе его перевели бы в пятый класс!..

«Хватит дурачиться! – сказала мать. – Живо мыть руки и за стол».

Руки мыли над большущей медной раковиной в общей кухне. Бывшая ванная комната еще не была возрождена по назначению и служила кладовкой.

«Где это ты наблатыкался?» – не выдержал и спросил старший.

«Не выходя из дома».

Это была маленькая месья счастливицу.

Уже через три дня братва, высыпающая после уроков во двор школы, не без удивления наблюдала встречу братьев. Они вставали вполоборота друг к другу, поднимали как-то странно руки и важно произносили: «Скажи мне, друг мой...» «Не скажу я тебе, друг мой, а то сядешь ты и заплачешь...» Обменявшись странным паролем, они срывались и лете-

ли со двора на набережную Малой реки, протекавшей под окнами школы.

Старший, быстро полистав «Историю Древнего Востока», понял, что самое интересное из нее брат выудил, и больше к ней не прикасался. Но уже через месяц он снисходительно спросил: «В каком спорте побеждают, двигаясь назад?»

«Нет такого спорта», – хорошенько подумав, сказал младший. «Не знаешь – не говори, – воспитательно сказал старший. – Перетягивание каната!»

Это была первая польза, извлеченная из книги Вильяма Сибрука о гениальном американском изобретателе и ученом Роберте Вуде. Книга успела выйти до Фултонской речи Черчилля, после которой издания заграничных авторов, прославляющих зарубежных ученых и науку, сильно подморозили. Книжку в класс принес Нелепин, сосед по парте, принес похвастаться, не предполагая, разуме-

ется, чем окажется для приятеля знакомство с Робертом Вудом!

Да не голодные мы!

Если проживавший на Острове в свое время художник Брюллов не мог, даже прилежно глядя, отследить проявление способностей в бледном лице приземистого, с большой головой, Лермонтова, то отследить проявление способностей в созерцавшем Малую реку молодом человеке представлялось делом безнадежным.

А способности были! И не малые. И не случаен был его интерес к реке и обитающей в ней рыбе.

Нет, семья не голодала. Хватит, поголодали, да так, что к концу голодовки не досчитались двух бабушек, совсем маленького брата, двоюродной сестры и родного дяди Кадика, младшего брата отца. Но тот до голода не дожил, служил в авиации, летал на «СБ», погиб в сентябре, где-то на Выборгском направлении. От него дома осталась фотография с двумя кубарями в петлицах да темно-синяя пилотка с голубым кантом и матерчатой красной звездочкой.

Младший голода совсем не помнил, да и старший тоже, так, кое-что, больше по рассказам.

И даже не страх перед голодом, но неотвязный интерес к тому, что можно съесть, жил в них с младых, как говорится, ногтей. В лесу можно было положить очищенную от кожуры веточку в муравейник, подержать, потом стряхнуть муравьев и облизать, вкусив острую и очень полезную «муравьиную кислоту». Травинка по имени «кукушкины слезы» обладала вполне съедобным беленьким корешком. Вытаскивать ее из земли следовало аккуратно, чтобы корешок не оборвался... Еда вокруг была, надо только уметь найти и взять.

Когда начали читать, обнаружили, как много пишется о еде. Впрочем, читать выучились по книжке Маршака «Сказки. Песни. Загадки». Книжку напечатали в городе в сорок четвертом году, и ни сказок, ни загадок, ни песен про еду в книжке не было ни строчки. Про почтальона, который «Уцелел со всем семейством, голод нынче позади, и медаль с Адмиралтейством на его горит груди» – пожалуйста! Про «Лом же-

лезный соберем для мартена и вагранки, чтобы вражеские танки превратить в железный лом» – извольте. И про пожарного Кузьму, и про лодырей, и про «дрался Мишка с Гришкой», и «откуда стол пришел», а про то, что на стол должны подавать – мимо! Зато вся другая литература была переполнена едой. В арабских сказках обычно напирают на фрукты и шербет, что-то вроде местного фруктового морса, ну, а без лепешек – ни одной сказки. В русских сказках напирают больше на кашу и пироги, а в конце, где «пир на весь мир», меню почему-то вниманием обходят. Приходилось смотреть картинки, угадывать, что подавали к столу, и теряться в догадках, зачем это румяные слуги несут на подносах лебедей в полном перьевом убранстве. Зависть пирующие не вызывали, поскольку сам рассказчик,

который «там был, и мед-пиво пил», честно признавался: «по усам текло, а в рот не попало». Так что и жалеть не о чем. Трудней всего было читать Гоголя.

«Ма-ам, а что такое галушки?»

«Из теста, вроде клецок».

Клецки знали.

«Ма-ам, а галушки без сметаны есть можно?»

«Проголодаешься – и без сметаны сметешь!»

Ясно.

«Ма-ам, а один человек может съесть осетра?» – поинтересовался старший.

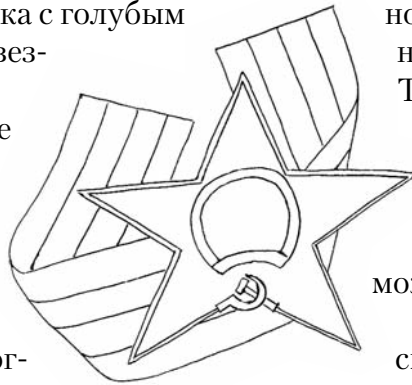
«Это от аппетита зависит».

«А ты могла бы осетра съесть целиком?»

«Даже двух, наверное», – сказала мама и рассмеялась.

Нет, с едой в доме был полный порядок. И когда к ужину из тарелки серых макарон добавлялась щепотка сахара, ужин можно было приравнять к «пиру на весь мир», а отсутствие нещипанных белых лебедей не казалось существенным, о них даже не вспоминали.

Слабо ориентировалась эта уцелевшая, не скошенная ни голодом, ни снарядами молодая поросль в гастрономических, бакалейных и даже хлебобулочных территориях, обнаруживая подчас глухое невежество. И слезы, и смех. В конце сорок четвертого мать принесла домой са-

хар и дала кусок рафинада младшему. Тот, обрадованный, тут же устремился во двор и буквально через десять минут вернулся в слезах и протянул кусок обратно матери.

«Что случилось?»

«Не пишет...» сквозь слезы выдавил юный грамотей.

Заплакала и мать. Сын знал буквы, а кусок сахара первый раз в жизни взял в руки.

В другой раз, когда дала принесенное с Андреевского рынка яблоко, младшего, наоборот, разобрал смех.

«Что смешного?»

«Огурец... круглый...»

Оказывается, и с живым яблоком это была первая встреча на шестом году жизни.

Мать приучала сыновей к самодеятельности.

Домашние заботы не делились на мужские и женские.

И с первых самостоятельных шагов сыновья уже умели если не все, то многое.

Они почти безропотно мыли посуду, умели неплохо стирать, топили печку, разводили и намазывали два раза в год, перед Первым мая и на Новый год, предпраздничную мастику на паркет, а затем натирали его до блеска, упираясь босой ногой в ножную щетку.

Дрова. Дрова были исключительно мужской зоной ответственности. Дрова мать только покупала, а пилили и таскали охапками со двора наверх исключительно «мужчины».

Им не доверялось только мыть окна, как-никак четвертый этаж.

Собственно, окно было одно, поскольку второе так с войны и стояло наполовину снизу от подоконника заделанное фанерой. На уцелевших стеклах сохранились следы клея от снятых бумажных крестов.

«Руки не доходят», – устало говорила мать, когда вспоминали про злосчастное окно.

Главным аргументом в приобщении молодых людей к домашним делам была угроза неудачной женитьбы.

«Еще неизвестно, какие вам жены достанутся», – говорила мать, дальновидно готовя сыновей к худшему. «Надо все уметь самим. И пуго-

вицу пришить, и брюки отутюжить, и картошку аккуратно почистить», – подражая сыновей на очередную работу, напоминала мать.

Старший на всякий случай овладел вышиванием «крестом» и даже умудрился на старой ножной швейной машинке сшить себе, к зависти младшего, очень неплохие трусы, правда, из газеты.

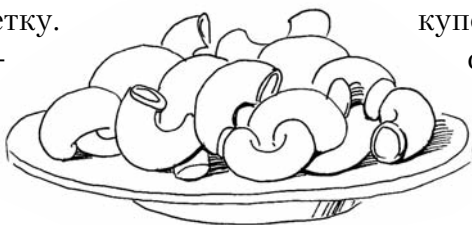
При ушибах и порезах неизменным утешением в устах матери была присказка: «До свадьбы заживет». Так что не то чтобы раннее взросление, как говорится, любви живые упоенья, сделали тему женитьбы актуальной. Оба брата были пока не женаты, чему нетрудно найти объяснение. Дело даже не в возрасте. Когда старший перешел в третий класс, а младший пошел в первый, ими было принято железное решение жениться обязательно на сестрах, что подкреплялось множеством разумных практических соображений.

Увы, подходящих сестер пока что найти не удалось ни в своем дворе, ни в соседнем, куда изредка ходили играть в футбол, не было их и в примыкавшем к дому садике Благовещенской церкви.

Церковь с ее великолепной трехъярусной колокольной была хороша и со снесенным при артобстреле куполом, центральном в пятикупольном букете. Это был один из самых старых на Острове соборов, такой старый, что до сих пор не могут вспомнить имя создателя. А на чьи деньги был собор построен, помнили, – жил неподалеку, здесь же, на Малом...

В прежние времена к собору примыкало кладбище, одно из первых в городе. Давным-давно небольшое кладбище умерло. Еще до войны на месте кладбища образовался садик, засаженный, главным образом, кустами сирени, а после войны собор зажил новой жизнью: его отдали жестяному производству,

Вместо колокольного благолепия церковь теперь извергала скрежет, грохот и завывание вытяжных вентиляторов, почти не слышных у них в комнате, выходявшей окнами не в садик, а на 7-ю линию. А вот из двух окон просторной коммунальной кухни, особенно летом, железодельный скрежет и вой были слышны очень хорошо.

В садике когда-то были похоронены знаменательные люди осемнадцатого века. Где-то тут упокоился кудесник-механик Нартов, а с ним и описавший Землю Камчатскую Крашенинников, там же и тонкой кисти художник Лысенко... Теперь здесь гуляли разнообразные девочки. Они прыгали через веревку, скакали на одной ножке в «классики», носились в пятнашки, но как узнать, кто из них сестры? Не спрашивать же каждую? Так что ни одна из прыгающих через веревку и бегающих в пятнашки не впрыгнула и не вбежала в сердца братьев, надежно прикрытые броней трезвости и здравого рассудка.

Может быть, поиск будущих жен отчасти осложнялся еще и разделением послевоенных школ на «женские» и «мужские», но время в запасе еще было.

Если уж заглянули в садик при церкви, то в глаза вам непременно бросятся стаи стрижей. Летом их не счесть. По вечерам звенящим роем они стремительно носились вокруг куполов собора Благовещения Пресвятой Богородицы, сваливаясь то на одно, то на другое крыло, как-то умудряясь при этом не сталкиваться друг с другом. А скорость-то у стрижей до ста пятидесяти километров в час! Может быть, как раз свистом они и предупреждали друг друга о воз-

можности столкновения, и потому всегда разлетались в разные стороны. Свист, отчасти похожий на металлический скрип, как нельзя лучше отвечал железодельному назначению собора, и был слышен не только в садике, но и на проспекте.

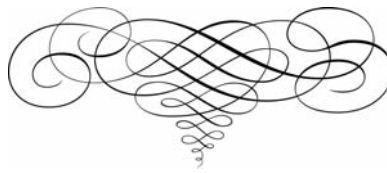
Стрижей была пропасть, это понятно; голуби в городе пропали – какая ни на есть, но дичь. А стрижи? Это даже не перепелки. Вот их и развелось видимо-невидимо, впрочем, как и соловьев, чьих главных городских врагов, кошек, тоже в городе почти не осталось.

Это понятно.

Но откуда в городе после осады вдруг объявилось столько детей!?

Их крик и визг в вечернем садике при церкви временами заглушал пересвист стрижей. Может быть, это садик такой для детей притягательный? Да нет. И голод, и бомбежки, и эвакуация – а ребятня, что трава на пустыре, растет и растет.

То-то после осады все школы были переполнены, по три-четыре параллельных класса работали в две смены. Вот и братья даже не смогли записаться в «тридцатку», школу на своей 7-й линии, три минуты ходьбы. Пришлось ходить в «тридцать восьмую» на 3-й линии, а это все пятнадцать минут, не меньше.

Халва

Женитьба женитьбой, но были дела безотлагательные.

Путешествия!

Обыкновенные путешественники, как известно, стремятся в неведомые страны, ради чего готовы идти на риск и приносить в жертву блага повседневной жизни. Отправляясь к неведомому, намечая цель, братья ни минуты не сомневались в том, что цель того стоит, и шли на жертвы, готовы были претерпеть лишения, подчиня будничное течение жизни цели заветной, возвышенной. Цель первого путешествия была найдена в замусоленном библиотечном томе арабских сказок.

Халва!

Эта неведомая еще страна манила, звала, обещала...

На школьный завтрак братья получали по пятьдесят копеек. Винегрет. Стакан чаю. Пончик. Неделя без блюдечка сладенького винегрета с подмороженной свеклой? Без пончика? А кусок хлеба, прихваченный из дома?

Две недели, всего-то! ну, три! и вот – материальные ресурсы обещают успех экспедиции, загадочная страна будет открыта и покорена!

«Мой генерал, давненько мы с вами не едали халвы! Не составите ли мне компанию!»

«Да, сэр, я тоже иду сегодня за халвой. Вы предпочитаете арахисовую или подсолнечную?»

«Хорошо бы спросить, ваше превосходительство, из чего делают эту арахисовую?»

«Я вас понимаю. Не вижу, с кем бы можно было поговорить о халве».

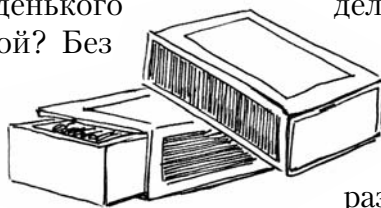
«Вы правы, мой генерал, если бы мы были с вами в Багдаде или Бухаре, там было бы с кем поговорить о халве».

Про Багдад братья все знали из цветного художественного фильма «Багдадский вор».

Они шли, даже не обсуждая маршрута, минуя продмаг на углу 5-й линии и Малого, минуя рундук на углу 7-й, где продавалось все: спички, баранки, макароны, водка в «мерзавчиках», чайная колбаса, маргарин, крупа, булка и все с раннего утра до позднего времени, чуть ли ни до двенадцати ночи. Там же можно было спро-

сить и халву, но разве халва из рундука может сравниться с халвой, пленившей их глаз на витрине кондитерского отдела лучшего на Большом Острове магазина «Гастроном»!

Да, да, «Гастроном» на углу Среднего проспекта и 9-й линии, напротив табачной фабрики «Лаферм», имени, надо думать, много курившего Моисея Соломоновича Урицкого! Да, да, вход с угла, три ступеньки вниз, а над входом эркер, окнами и на Средний, и на 9-ю линию. В эркере сидела стрелочница! Оттуда хорошо было видно, какие номера трамваев подходят к перекрестку, и каким-то чудом, не выходя на улицу, сидевшая за окном в тепле стрелочница переводила стрелки. Вот это работа! Техника будущего!.. Но как она выдерживала запахи, поднимавшиеся из «Гастронома», науке не известно. Таких запахов, как здесь, не было нигде в мире! Взять ту же колбасу. Колбаса «от-

дельная» из рундука попахивала псиной. Скорее всего, от того, что под прилавком продавщица, утепленная одеждой в пределах, допускаясь помещением

размером в две телефонные будки, держала для тепла под прилавком еще и керосинку, сообщавшую всем товарам совершенно неповторимый привкус, словно собака, из которой приготовили колбасу, всю жизнь служила сторожем на нефтебазе. И та же колбаса «отдельная» в «Гастрономе» в строгой своей простоте выглядела и дышала вполне достойно рядом с «ветчинной», «докторской» и «чайной». А как мироточили «любительская» и «телячья»!.. И ни с чем не сравнимые ароматы рыбного отдела, где продавцы, только мужчины, в высоких накрахмаленных колпаках узкими длинными ножами препарировали семгу... А запах молотого кофе?.. Даже бакалейный отдел и хлебный источали обещающее сытость благоухание, рассчитанное на тонкий и требовательный вкус. И конечно, ванильное-карамельно-шоколадно-кремовое дыхание кондитерского отдела... Непомерные коммерческие цены и скромные карточные нормы превращали все это съестное богатство в выставку, почти музей... Но по заоблачным коммерческим ценам!

Когда братья вошли под благословенную сень «Гастронома» – в коротких штанах на ляпочках младший и в штанах гольф с пуговкой под коленями старший, туго набитые звонкой мелочью карманы сообщали им поступь миллионеров. Они шли под своды «Гастронома», переполненные гордостью. Гордость торчала из них, и в походке, и в переглядывании, и в жестах, во всех повадках людей, знающих вкус жизни.

Покупатели, особенно дамы, натерпевшиеся от предприимчивости таких вот молодых людей в годы осады, с подозрением приглядывали за братьями.

Стройные и мускулистые, они не без удовольствия ловили обращенные к ним восхищенные взоры покупателей и посетителей. Не каждый может вот так вот войти, и – «Выбейте-ка мне двести грамм халвы!»

Да, были в «Гастрономе» и посетители, приходившие лишь посмотреть что почем, или, стараясь не замечать искусительное богатство тонких яств, отоварить в бакалейном полкило сахара по карточкам.

Младший поправил висевший на поясе всегда готовый к услугам хозяина окованный золотом кинжал... Да, в кармане у него был складной ножичек, прихваченный на тот случай, ес-

ли халву придется резать или отбиваться от высадившихся на Остров пиратов.

В «Гастрономе» нужно уметь разговаривать, и они умели.

«Свежа ли у вас сегодня халва?» – маминым тоном, в меру приветливым и в меру строгим, спросил младший, пока старший проводил математические расчеты, калькуляцию предстоящей закупки.

Пожилая продавщица кондитерского отдела, округлая со всех сторон, как ромовая баба, переглянулась с коллегой из бакалейного и проговорила с оттенком почтения и любезностью старых приказчиков: «Только утром получена».

Сложив, умножив и разделив, старший определил: двести арахисовой и двести подсолнечной. Неведомой оставалась территория тахинной, она же кунжутовая. Судя по описаниям, фантастически вкусная и полезная. Но ее не было.

Ничего. Нормально! Не все сразу!

Можно идти в кассу, где кассовые машины «National», одетые в стальной панцирь, покрытый узорчатым рисунком, после каждого поворота рукоятки кассиром издавали звон серебряных колокольчиков, будто ваши денежки этот волшебный аппарат превращал в чистое серебро, которое тут же ссыпалось в подземные кладовые.

Пока взвешивали халву, младший, проглотив слюну, не удержался и спросил: «Не подскажите, а арахисовая халва из чего?»

«Подскажу, – с достоинством сказала «ромовая баба», – из арахиса».

Ничего не оставалось делать, как сказать за разъяснение «спасибо».

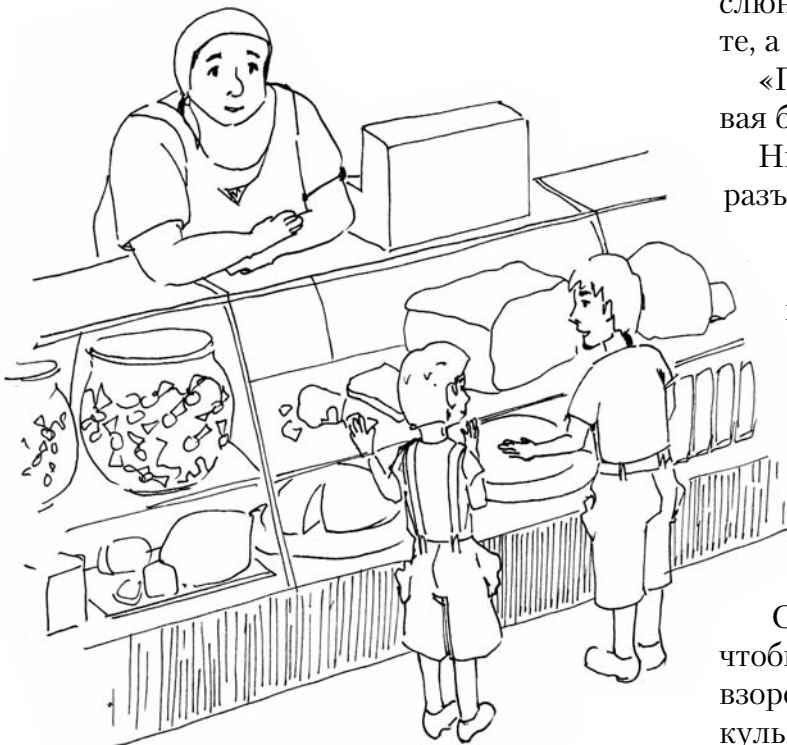
После того, как была заплачена кругленькая сумма в звонкой монете, кульки с халвой оказались в руках путешественников.

Первые тридцать шагов по 9-й линии они прошли молча.

Разговаривать было трудно, и не потому, что зашибала слюна.

Легкой походкой они ступали по камням Острова, не оставляя следов.

Они даже не поднимали глаз на прохожих, чтобы не видеть восхищенных или завистливых взоров. Они несли вмиг пропитавшиеся жиром кульки с достоинством охотников, обвешанных

трофеями, без слов говорящими и о мастерстве, и об удаче.

Нести халву домой было не разумно. Если бы мать узнала, что люди могут вполне обходиться без школьных завтраков, то последствия были легко предсказуемы. Рисковать было нельзя. А при клубе завода «Профинтерн», не доходя Малого проспекта, что как раз на пути к дому, есть садик для прогулок и отдыха, а в садике – тир, давно уже не работающий, но место вполне укромное.

Дорога не показалась гастрономическим путешественникам слишком длинной. Они шли по 9-й Линии, не пряча лиц под широкими полями шляп, которых на них не было, шли, не выбирая глухих переулков, которых на выстроенном по линейке Острове тоже не было.

Оба были преисполнены предвкушения.

Предвкушение – чувство исключительно индивидуальное, ни с чем не сравнимое.

В конце концов, халва и есть халва, вкус у халвы для всех одинаковый, но предвкушение халвы у каждого свое, как счастье, оно только ваше, это плод вашего воображения, это ваша и только ваша мечта, это то любовное самообольщение, которому подчас суждено оказаться выше мечты воплощенной...

Настроение было – что надо!

– Тысяча чертей, – сказал младший, – я забыл дома компас!

– Пойдем по звездам, – сказал старший.

– Жаль, нет дождя, – сказал младший.

– Зачем это? – удивился старший.

– Дождь смывает следы!

Путешественники позволили себе понимающе улыбнуться.

О! город умел привить своим обитателям вкус жизни, любил и умел повеселиться. Даже безвременная смерть сына не послужила основателю города причиной воздержаться или хотя бы чуть сократить трехдневный полный веселья праздник по случаю девятой годовщины важной военной победы. И на Главной площади едва родившегося Города многие годы плаха и приборы для колесования соседствовали с каруселями и качелями. Не мудрено, что самый знамени-

тый расстрел горожан тоже был произведен в саду, неподалеку от Главного дворца, где на Масляную неделю устраивались веселые балаганы, катальные горки, карусели и все такое. С годами город оброс театрами на тысячи мест и театриками интимными, мест на сто-двести, ресторанами с самыми разнообразными удовольствиями помимо гастрономических, варьете, цирками, кабаре, кафешантанами, увеселительными садами и залами общедоступных развлечений как для чистой, так и для прочей публики...

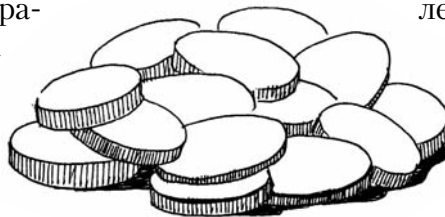
Но все это либо в центре, либо в ближних и дальних пригородах! Могло показаться, что разгульный город и самый его большой Остров, хранящий свой нрав, были отделены не только широченной рекой, но и еще какой-то незримой границей.

Главный Остров будто стеснялся всех этих разудалых заведений. В дальнем краю, на 17-й линии, в небольшом садике имелся «шикарный» зал, где песенки, куплеты и шансонетки исполнялись на пяти языках, как бы отдавая дань уважения пестрому многоязычному населению главного Острова. Здесь мож-

но было видеть семью японских эквилибристов, партерных гимнастов из Германии, еврейских куплетистов и пожилую французскую певичку.

Едва ли к злачным местам можно отнести зал баронессы фон Дервиз на Среднем проспекте, что-то вроде Народного дома, где шли даже оперные спектакли в качестве, как писали в газетах, «здорового развлечения для народа». Именно «для народа». Разве почтенная, уважающая себя публика пойдет в зал хотя бы и баронессы на «Риголетто» или «Севильского цирюльника», если днем представления и концерты даются бесплатно, а за вечерний билет берут три копейки?

Характерный для Острова ресторан, по первому своему званию – трактир с биллиардом, «Золотой якорь», в самом начале 6-й линии, тоже был заведением на свой салтык. Недаром же его любили студенты и преподаватели расположенной неподалеку Академии художеств. И конечно, сюда же приходили студенты и преподаватели после выпускного акта. Те же Врубель, Васнецов, Репин, Поленов, Серов, да тот же

Суриков, ученики страстного бильярдиста и превосходного учителя живописи Павла Петровича Чистякова. Не мудрено, что заведение это послужило добрым людям без малого сотню лет.

И, может быть, совсем не случайно один из садиков на 9-й линии, отдавая дань традиции национальной терпимости островитян, носил имя «Профинтерн». Впрочем, в незапамятные времена и садик, и двухэтажное здание клуба принадлежало Христолюбивому Евангелическому обществу.

Осенью сад закрывался на просушку, но в металлической ограде с южной стороны не хватало двух звеньев.

Дыра щетинилась зубастыми обломками металла.

Дыру периодически заматывали проволокой, но проволока тут же исчезала.

Охотники за халвой, не выпуская из рук промасленных кулекчиков, пролезли в садик.

Перед ними открылось очаровательное запустенье сада «Профинтерн», мирно хранившего осенние следы усталости и покоя. Пространство сада заросло травой, не кошенной, по-видимому, с середины лета. Дверь в тир висела на одной петле.

Увы, укромный уголок постигла судьба всех укромных уголков в общественных садах и парках.

Пришлось искать пристанище, не противоположаемое гастрономическим наслаждениям.

Летняя эстрада, «раковина», оказалась единственным местом во всем саду, где среди сваленных скамеек, каких-то тумб, урн, щитов с полусодранными объявлениями, и всяческой рухляди удалось разглядеть и вытащить однотумбовый канцелярский столик. К столику придвинули тяжеленую садовую скамейку.

Сцена – это та вершина, куда поднимаются люди, которым есть что сказать человечеству!

«Как кстати здесь эти черепа буйволов! – сказал младший. – Отличные кресла! Рога послужат прекрасными подлокотниками».

На ломаных стульях, положенных плашмя, расположились с удобством и надолго.

Вкушение халвы, если бы еще здесь случились зрители, можно было посчитать небольшим представлением, а, судя по состоянию душ исполнителей, еще и священнодействием. Главное – не спешить! И они не спешили. Расстегнув плащи из шерсти парагвайской антилопы, с виду похожие на детские бумазейные курточки швейной фабрики «Маяк», они расположились в мягких креслах со всеми удобствами, забыв о карабинах и кинжалах. Каждый развернул кулек и выложил перед собой.

«У меня подсолнечная».

«А я люблю арахисовую».

«Дашь попробовать?»

«А я твою».

Младший достал окованный золотом кинжал и протянул брату. Кинжал был вонзен в рыхлую плоть халвы, и сказочное яство рассыпалось под легким касанием складного перочинного клинка с отбитыми костяными накладками. Вытерев руки о штаны, гурманы взяли пальцами ломкие слоистые кусочки и замерли, глядя друг на друга. Кто первый?

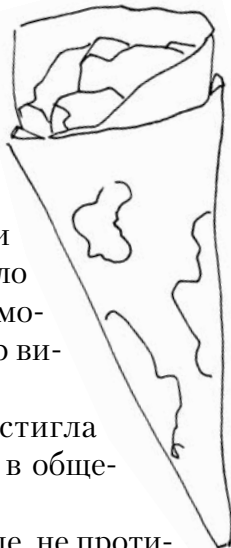
Никто не испытывает такого одиночества, как заключенный в одиночку или человек на сцене перед пустым залом. Пространство, где летом выставлялись скамейки для зрителей, строго говоря, нельзя считать залом.

Эх, побольше бы зрителей, зрителей явно не хватало...

И зритель явился!

Только то, что они сидели на сцене, их и спасло, к ним невозможно было подойти незамеченными.

Они увидели, как из служебной двери клуба «Профинтерн», выходявшей прямо в садик, показался Ванька Грозный! Неумолимый! и в гневе страшный заведующий тиром. Он был из тех, кто с беспощадной жестокостью преследует своих врагов. Его настоящего имени никто не знал. Да сам он, похоже, забыл, потому что на обращение «дядечка Ванечка» клянчивших выстрел в кредит, он отзывался в зависимости от настроения и количества уже выпитого пива: или кидал на шинельное сукно прилавка свинцовую пульку, или пулял в просившего изощренно непристойными словами. Летом он служил в тире, в каком-то смысле в храме, посвященном Артемиде, богине-охотнице. Начинаящие Геро-

страты всеми правдами, а, главным образом, неправдами, не имея средств, чтобы пострелять, стремились проникнуть в храм, чтобы, так или иначе, осквернить стрельбище по жестяным зайцам, мельницам и пароходам. «Дядя Ванька» наострил со своей полу-ногой ловить и крестить костылем осквернителей храма. К потевшим руку-ногу на войне, к носившим на еще не обветшавших гимнастерках и кителях красные и, особенно, желтые, нашивки, было отношение одно, а Ванька-Грозный, как оказалось, потерял свои полноты под трамваем перед войной. Можно было подучить какого-нибудь несмышленика и попросить его за карамельку спросить дядечку Ванечку, правда ли, что он ногу под трамвай сунул, чтобы на фронт не идти? Ответ дядечки Ванечки приводил юных провокаторов и подстрекателей в восторг!

По окончании сезона и закрытии тира, единственного аттракциона в саду, Ваньку Грозного, надо думать, производили в сторожа или смотрители. Он давно уже не делил сволочь на правых и виноватых. Сама принадлежность к *отродью* была основанием для кары.

Вот и сейчас глаза его сверкали, грудь волновалась, живот, наполненный, пивом, булькал. Припадая на увечную ногу, он летел в атаку молча. Нет! не прогнать, прогнать можно и криком, а бить! Бить! Он был суров и беспощаден, как коса в руках смерти.

Капли холодного пота выступили на лбах у искателей приключений, зубы крепко сжались, юные тела, еще не знавшие глубоких ран, прошиб озноб страха.

Честь требовала встретить врага лицом к лицу, но что сказать маме, когда явишься домой, изволтуженный костылем нетрезвого сторожа. А как объяснить свое появление в закрытом на просушку осенью саду «Профинтерн»? «Зачем вас туда понесло?»

Братья вскочили, как ужаленные.

«Атас!» – вырвалось одновременно у братьев, их словно ветром смело с эстрады.

Халва осталась на однотумбовом столике исходящим реквизитом так и не сыгранного спектакля, из романтической драмы едва не превратившейся в жестокую трагедию.

Они бросились в разные стороны.

Так уходят в отрыв.

Погоня за двумя зайцами, скачущими в разных направлениях, редко бывает удачной.

Вспотевшие и перепуганные, встретились у пролома в ограде.

И в мирной-то спокойной обстановке пролезть, не порвав штаны, между чугунными зубьями было не просто, но в боевой ситуации обостряются все чувства, опасность действует мобилизующе. Протырились в два счета.

На спасительном тротуаре 9-й линии отдыхали и осмотрели друг друга, нет ли где не замеченных в пылу отступления прорех. Прорехи были: у старшего на рукаве, у плеча, когда летел через кусты, у младшего – на штанах, зацепился карманом уже в ограде. Могло быть хуже. А эти мать поплачет и зашьет.

«Ты чего ж халву-то бросил?» – с обидой накинулся старший.

«А сам чего бросил?»

«Я думал, ты возьмешь», – с верой в то, что так оно и было, убежденно сказал старший.

«Я арахисовой так и не попробовал»,

«А я подсолнечной...»

«Ничего. Утром его найдут с разбитым черепом и тремя пулями в животе».

«Кого?»

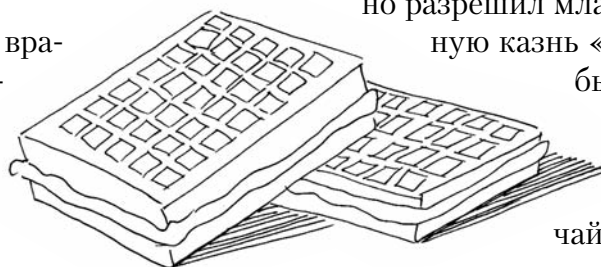
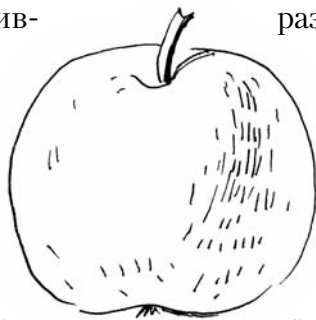
«Ваньку, сэр».

«Как так?» – подумав, старший великодушно разрешил младшему придумать страшную казнь «Ваньке Грозному». Лишь

бы не молчать и не вспоминать оставленную на поле боя халву.

«Несчастный случай, мой генерал. Он упадет с лошади».

Младший хитрил. Неведомо почему, но он себя считал виноватым в провале экспедиции. Это его была идея – вылезти на сцену. Скамейку можно было и в кусты отнести... И пока брат не припомнил ему роковое предложение, поспешил

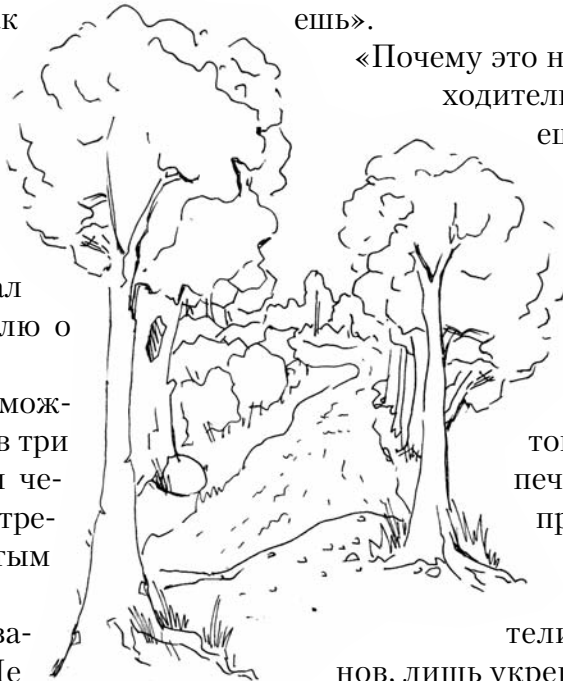

пустить в ход «моего генерала», действовавшего на брата, как пустырник и валерьянка на сильно нервных. О, если бы младший знал, что так возвращают привычку к лести!

«А как же три пули в живот?» – старший, как и всякий настоящий критик, не упускал случая напомнить сочинителю о правде жизни.

«Подумайте, мой генерал, можно ли усидеть в седле, получив три пули в живот? Упал. Разбил череп. Вот утром его и найдут с тремя пулями в животе и разбитым черепом».

«Халву жалко. И чего мы рванули, как сумасшедшие... Не убил бы».

«Двоих не убил бы, точно. Костылем не убьешь».

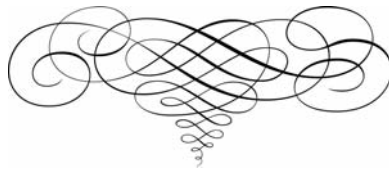
«Почему это не убьешь? – старший снисходительно усмехнулся. – Не знаешь, не говори. Царь, как раз Иван Грозный, одним ударом костыля убил своего сына».

«Ого! И что ему было?»

«А ничего. Царь».

Горестная участь прибитого царевича чуть заслонила печаль от утраты, так и не распробованной толком, халвы.

Преодоленные опасности, как уверяют сочинители приключенческих романов, лишь укрепляют веру в себя, толкают на новые приключения.

Маслины

Мечтать тоже, знаете ли, надо уметь. Сначала братья мечтать не умели. По сути, они явно путали мечту и желание, не догадываясь, насколько отличны эти вещи. Только после того, как накопления позволили купить все в том же «Гастрономе», угол Среднего и 9-й линии, по сто грамм шоколадных конфет «ассорти», после того, как эти конфеты были разом съедены, оба с удивлением почувствовали, что это не то!

Что – не то, невозможно было объяснить, вернее, некому было им объяснить именно разницу между желанием и мечтой.

Желание – конкретно, удовлетворение его предсказуемо, в нем нет неведомого, неожиданного, обещающего непредвиденный восторг. Иное дело – мечта, в ней нет земной тяжести, в ней нет очерченных границ, она обещает счастье, еще не испытанное, и, непременно, чуточку неземное. Без всяких объяснений, лишь доверяя чувству неудовлетворенности, не то что разочарования, но отсутствия радости, вот этому необъяснимому «не то», они приняли решение двинуться за мечтой к неведомому. Но это неведомое должно быть и немножко недостижимым. К примеру, это должно быть что-то такое, что никогда не появлялось в доме на столе. Прежде всего, ориентиром служила цена.

Что в магазине самое дорогое? Хотя бы и в овощном, на Малом проспекте, по диагонали от часовни Рождественской церкви? Правильно! Маслины! То, что эта еда питательна, говорит само название. Здесь ошибки быть не может. Да и греки не дураки, если в мифах сплошь и рядом маслины и масличные деревья.

Решение было принято после того, как старший прочитал миф о том, как богиня Афина и бог Посейдон спорили, чье имя возьмет главный город греков. Посейдон сказал грекам: «Назовите город моим именем, и я вам дам воду». Афина сказала: «Назовите город моим именем, и я вам дам дерево маслины!» И греки выбрали – маслины! Вот и братья выбрали маслины...

Школьные завтраки, конечно, по боку. Но были найдены еще два источника пополнения

кубышки. По субботам братья ходили в баню на 3-й линии. Ванная комната в обширной старой квартире, ныне густо заселенной, была, но так с войны и служила кладовкой. Кроме денег на баню выдавалась субсидия на газировку крем-сода после бани. Небольшие деньги, но маслины... Маслины! А крем-сода никуда не уйдет! Дважды удалось выклянчить деньги на эскимо и тоже отправить их в фонд мечты. Пришел день, пробил час, был проведен окончательный расчет, и молодые люди двинулись за мечтой в лучший из окрестных овощных магазинов.

Они шли по Малому проспекту, не торопясь, поскольку были оба совершенно уверены в том, что не только сами считают себя героями, но и все прохожие разделяют их высокое в эти минуты о себе мнение.

Теперь не было необходимости продолжать скрытую, наисекретнейшую жизнь, они вышли из леса, их прожженные у лесных костров плащи из буйволового шерсти, помятые шляпы и стоптанные мокасины для бесшумной ходьбы, говорили о трудностях оставшегося за плечами пути. Они шли, опьяненные мечтой, еще не сбывшейся, но через триста, через двести, через тридцать шагов – она сбудется!

Волнующее, разрывающее будничное течение времени приключение!

Предощущение встречи с маслинами было исполнено не только гастрономических взысканий, это еще был шаг в историю! Вот сейчас, вкусив маслины, они окажутся на пиру с Гераклом и Ахиллом...

Переход от дома до овощного магазина прошел без каких-либо заслуживающих описания событий. Впрочем, оба были преисполнены предвкушения.

Войдя в магазин, они бросили снисходительный взгляд на очередь за картошкой и направились в отдел солений и маринадов.

Здесь даже и очереди не было, так, четыре человека, и то за какими-нибудь солеными помидорами и квашеной капустой.

Младший занял очередь, старший выбил два чека. Каждому по сто грамм маслин. Стояли в очереди, смотрели, как в белых эмалированных лоханях, чем-то похожих и на зимние санки с высокой спинкой и на летающие лодки в городке аттракционов в ЦПКиО имени Кирова, лоснятся, переливаются черным глянцем загадочные плоды. Чувствовали они себя настоящими героями, правда, со стороны скорее казались заговорщиками, оттого что вполголоса о чем-то переговаривались, и то и дело поглядывали на входную дверь, не принесет ли нелегкая кого-нибудь из соседей по коммунальной квартире. Магазин был слишком близко от дома.

К счастью, обстановка в магазине была спокойная.

Шумно было в очереди за картошкой. Покупатели отказывались брать даже слегка порченую, выбирали ее из сетки, выкладывали на прилавок.

«Что вы мне тут кладете?!» – кричала продавщица в вязанных перчатках с обрезанными наполовину пальцами. – Выбирать на рынке будете! А здесь госторговля! Ясно говорю?!» А ей кричали, что у нее весы в земле, и она обвешивает! «Картошка государственная, а они ковыряются!» – вздымалась продавщица на защиту государственных интересов. Обычный разговор продавщиц с покупателями.

Отдел солений и маринадов, почитай, был афинской агорой рядом с этим плебейским торжищем.

За маслины заплатили кругленькую сумму в звонкой монете, поскольку капитал был собран в основном серебряной монетой, а отчасти медной.

«Маслины сегодня свежие?» – спросил старший, первым протянув продавщице чек.

«Свежие они в Греции», – сообщила продавщица любителю свежих маслин.

Да, так хорошо, как у младшего в кондитерском, не получилось.

«И тебе маслины?» – с легким удивлением переспросила продавщица, взяв чек у младшего.

Маслины только казались тяжелыми, а на деле были довольно легкими, и на сто грамм вышло штук двадцать.

Есть, оказывается, в этих маслинах было нечего. Зубы сразу натыкались на косточку, обтянутую чуть подсоленной кожурой. Мякоть была, но так мало, что и речи не могло быть о том, чтобы утолить голод. Ожидание сказочной еды не оправдалось ни на грамм.

– Не надо есть сразу, – сказал старший. – Если покатавать во рту, тогда еще ничего...

Ну что ж, не мытьем, как говорится, так хоть перекатывани-

ем соленого камешка во рту можно было вообразить вкушение загадочного яства.

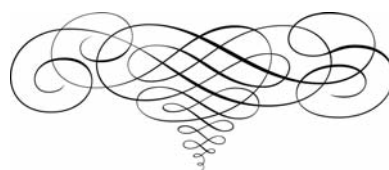
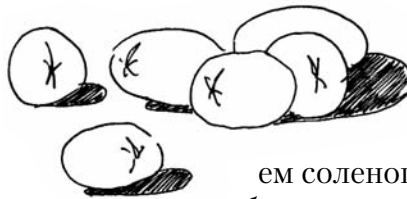
Десятую маслину уже не хотелось брать в рот, но оставалось еще половина кулька.

Нести домой? Прятать? Ради чего?

– Ешь, они полезные, – сказал старший, увидев, что брат ковыряет пальцем в кулке.

Аргумент убедительный. Полезные вещи, как правило, были на удивление невкусными. Рыбий жир, например. Бр-р-р... Словно холодная скользкая змея в тебя вползает. А дрожжи? В ларьках с соком и газированной водой продавалась серая мучнистая жижа, пивные дрожжи, патентованное средство то ли от дистрофии, в общем, для дистрофиков. Хорошо еще, если удавалось упросить мать добавить в кружку с этой противной жижей порцию сиропа. Тогда еще ничего... Но мать почему-то была убеждена, что целительные свойства дрожжей сироп чуть ли не убивает. «Мне не жалко, – предупреждая сыновью подозрительность, говорила мать, отсчитывая мелочь на сироп, – только пользы от этого никакой...». Наверное, она тоже была убеждена, что вкусное не может быть полезным.

Вот и «полезные» маслины радости не принесли.

Запомни – желатин!

Пустые кульки с обглоданными косточками маслин были скомканы и брошены в урны, благо, стояли они предупредительно только что ни у каждой парадной.

До возвращения матери с работы был еще час.

- Пошли, – решительно сказал старший.
- Куда?
- В «Гастроном».
- У тебя есть деньги?
- Сорок семь копеек, – честно сказал старший.
- Откуда?
- Продал пароход.
- А остальные?
- Старый карточный долг...

Младший знал, что расспрашивать о цели похода нет смысла, брат пользовался привилегией старших, не всегда считающих нужным объяснять свои поступки и приглашения.

Для своих двенадцати лет он обладал прекрасным ростом, легкая скептическая улыбка в уголках губ выдавала человека, сознающего свое ответственное превосходство, а штаны-гольф с пуговками под коленками сообщали о том, что молодой человек уже вырос из коротких штанов на двух

лямках, которые доншивал его младший брат. Старший был сдержан и немногословен. Немногословен, как уважающий себя восточный вождь. Немногословен, как французский король Филипп Красивый. Чем больше молчал, тем более весомым становилось каждое сказанное слово, что позволяло прямо на глазах у окружающих расти в собственных глазах. Наукой замечено, что нарочито молчаливые, даже если им просто нечего сказать, как правило, успешно растут именно в собственных глазах.

Особое чувство наполняло душу, когда можно было оградить младшего от опрометчивых решений. «Я прикажу повесить его на мачте!» – объявлял младший. «На мачте? И как же ты его повесишь?» – усмешка была здесь как нельзя кстати. «Вздерну, как миленького», – уже с неуверенностью говорил младший, предчувствуя какую-то каверзу. «Мачта стоит вертикально,

как столб. И как ты на столбе повесишь? Вешают на реях. Запомни. В жизни пригодится. Вешают – на реях».

Старшие обладают множеством преимуществ перед младшими. Материнские наставления, звучавшие с ранних лет не реже двух-трех раз в неделю, служили основанием для понимания себя и, прежде всего, своего положения в отношении к младшему брату, младше на целый год и семь месяцев. «Старших надо уважать». «Старших надо слушаться». «Старшие лучше знают». «Старшим виднее». Сомнения не допускались, и старший брат был убежден, что слова матери имеют самое прямое отношение и к нему. Младший брат исторически был обязан его уважать, слушаться, как лучше знающего и дальше видящего. Пока младший еще не вступил в разум, старший не пытался объяснить ему, что тот обязан его уважать, слушаться и понимать без слов. Да, пока еще он и сам только осваивал непростую должность быть старшим

Но какая душа не дрогнет, да и чей ум отважится усомниться в своем превосходстве и благородстве, если вы слышите по десять раз на дню:

«мой генерал», «ваше превосходительство». Но вот что странно, стоило только старшему забыть, зазеваться, как он оказывался только что ни на поводе у младшего. Кто ж не поверит в свое, пусть и не совсем обычное, «генеральство» и «превосходительство»? А сам младший, пожалуй, и тоже не поверил бы и удивился, если бы кто-нибудь ему объяснил, что именно чины и звания заставляют старшего брата участвовать в приключениях, придуманных младшим.

Быть старшим братом – большое искусство, и сразу им не овладеешь. Было время, когда, словно зверушки на площадке молодняка в Зоопарке, они никак не ощущали разницы в возрасте. Но как-то само собой уже в классе пятом старший брат понял, что его место всегда впереди. Приходилось быть умнее самого себя. Это не сложно. Но как заставить уважать твою мудрость того, кто сам не шибко мудр, кто еще

не дорос до пятого класса! Так что приходилось пользоваться такими надежными способами, как ироническая усмешка, рассеянное непонимание, немногословие и долгие паузы глубокомыслия.

Микроб старшинства способен достигать огромных размеров, при этом изучен довольно слабо. Он равно может поражать как отдельных людей, так и целые страны. Да, есть люди, и есть страны, никогда не сомневающиеся в своей правоте, и эта правота всегда в их пользу. Они всегда стоят за правду и справедливость, и правда и справедливость всегда на стороне их выгоды.

Подспудное соперничество заставляло старшего искать решения, превосходящие во всех отношениях затеи младшего. Маслины были выбраны сообща. Халву придумал младший, значит, нужно ее чем-то превзойти, поставить на место, дать понять, кто капитан на мостике, а кто пока еще юнга в трюме.

Что в «Гастрономе» самое дорогое? Шоколад? Копченая колбаса «майкопская»? Или «тамбовская» с крупными, чуть розоватыми жиринками? Или балык свиной холодного копчения? Икра черная паюсная? Дорого, но не самое дорогое. Зоркий глаз оглядел все ценники. Самый дорогой продукт оказался, к немалому удивлению путешественников, в бакалейном отделе.

В отличие от шоколада, представленного в приманчивых двойных одеждах, верхняя – из бумаги с картинкой, а под ней еще и зеркальная оболочка из серебристой фольги, а вот этому продукту, как музейным красавицам и красавцам высшего разбора нечего было скрывать и стыдиться. Продукт был полупрозрачен и рельефен, как дверное стекло. Телесно обнаженные и зябко волнистые плитки лежали под нескромными взглядами покупателей. Чуть желтоватые, пластины были размером с плитку шоколада. Но цена! Бесценные, они лежали стопкой без упаковок и обложек, и были больше всего похожи на непрозрачный, отдающий желтизной плексиглас, из которого умельцы делают наборные рукоятки к финским ножам.

«Видал?»

«Ого! 157 рубчиков!? Чего это?»

«Попробуешь – узнаешь», – снисходительно сказал старший.

«Вроде шоколада?» – младшему хотелось хоть что-нибудь узнать об этом драгоценном продукте.

«На цену посмотри. В два раза лучше шоколада», – авторитетно произнес старший.

«Это сколько же копить?»

«За месяц наберем. Для начала, по сто грамм».

«А как называется?»

«Запомни – желатин!»

Период первоначального накопления в экономике самый трудный. Главное – удержать прирастающий капитал, не дать ему утечь на сиюминутные, кажущиеся неотложными нужды.

Держать себя в руках, помнить о желатине!

День за днем двугривенные, гривенники, пятаки и редкие рублевки с изображением шахтера с отбойным молотком на плече стекались в довоенную коробку из

под любимых маминых конфет «Чернослив в шоколаде». За месяц братья дважды заходили в «Гастроном», чтобы проверить, не исчез ли из продажи желатин, страшно было подумать, что вдруг он исчезнет, как исчезали вдруг макароны, мыло, бритвенные лезвия, постное масло, носки... Всякий раз новые пропажи порождали тревожные разговоры на коммунальной кухне. Нет, желатин лежал, как ни в чем не бывало за округлым стеклом витрины, ожидая своего часа.

И час настал.

Настал несколько позже, чем предполагал план, но как!

Еще до октябрьских праздников город заговорил о денежной реформе. Все пришло в движение. А уже в начале декабря граждане, всю жизнь жаловавшиеся на отсутствие денег, теперь не знали, куда деньги деть. Говоря по-научному – пристроить. Коммунальная кухня превратилась в чикагскую финансовую биржу! Только и разговоров: снимать деньги с «книжки» или класть «на книжку». Никто не называл суммы

своих накоплений, от чего разговор носил несколько отвлеченный, почти теоретический характер. Просто любопытно, если старые деньги будут менять, то в какой пропорции? Что станет с деньгами, которые обменять не успеют? Будут ли работать сберкассы в это воскресенье? А когда в середине декабря, наконец-то, в газетах появилось Постановление Совета Министров и ЦК ВКП (б) о денежной реформе, где был отведен срок в две недели на употребление «старых» денег, тут-то и началось!

Братья не без интереса, с непонятым волнением слушали на кухне страстные споры Кузнецова, мужа заведующей булочной на Среднем проспекте, с Будиловым, краснопутиловским пролетарием, тем не менее, державшим во дворе в сарае свинью. Даже внешне природа обозначила их противоположность. Будилов был ниже среднего роста, кожа на лице обтянута, и весь, как желвак, даже не желвак, а хрящ. А Кузнецов вполне мог позировать большим художникам, изображающим полководцев. Высок, хорошей стати, умное горделивое лицо... На нем и шлем Александра Невского смотрелся бы хорошо, и фуражка маршала Рокоссовского. Но даже то, что у одного во дворе в сарае была корова, а у другого – свинья, говорило об их несхожести и приверженности разным ценностям. Где же им найти общий взгляд на денежную реформу! Общего языка люди не находили даже на одной кухне. Шахмаметьев, так же державший во дворе, в бывшем каретном сарае, корову, при посторонних перешел с женой Марией на татарский язык, чего раньше никогда не было. Вот и мать Екатерины Теофиловны, похожая на брюзгливую графиню из оперы «Пиковая дама», бросила включившейся было в общий спор дочери: «Tenez – vous droit». И если бы все на кухне знали французский язык, не все бы поняли слова, с которыми классные дамы обращались в институте благородных девиц к воспитанницам, призывая держать спину прямо. Знать, старуха-то была нестигаемая!

Братья были заражены общей тревогой, но были спокойны за свой капитал. Совет Министров и ЦК ВКП(б) сообщили самое глав-

ное – металлические деньги, именовавшиеся взрослыми «мелочь», в новом обращении сохраняют свою силу один к одному. А вот по спасению восьми бумажных рублей пришлось провести операцию. Но это просто! Сиделись в трамвай, протягивали кондукторше рубль, пятнадцать копеек за билет, восемьдесят пять копеек сдачи. И второй, не признаваясь в родстве и общности капитала, тоже протягивал рубль. Кондукторши, ставшие пусть и на неделю всеобщими любимицами, готовы были везти хитрых финансистов бесплатно. Спрос на мелочь вырос чрезвычайно, но братья решительно отказывались ехать даром. Всего-то! четыре поездки от Среднего до Малого и обратно, и восемь бумажных рублей стали полноценной горстью серебра и меди.

Совет Министров и ЦК ВКП (б) одновременно с денежной реформой провел значительное сокращение цен. Более того, отменялись карточки! Покупай, сколько хочешь, вернее, сколько кошелек позволит!

Сразу после Нового года братья вместе со всем городом ринулись в магазин, чтобы увидеть новые цены.

Слава ЦК ВКП(б)! Слава Совету Министров! Теперь накопленный капитал позволял купить не по сто граммов желатина на алчущую неведомого счастья душу, а по сто пятьдесят!

Теперь было понятно, почему с сентября по декабрь исчезло множество продуктов и промтоваров, все было припасено для новых денег, для новых цен, для новой жизни. Магазины ломились от изобилия всего, чего только душа пожелает. Постное масло? Да хоть литр! Мыло? Да сколько унесешь!

Макаронь? Белые! Серые! Тонкие! Толстые! И вермишель! И лапша яичная, про которую уже вроде и забыли, впрочем, старики еще помнили...

Новогодние праздники, каникулы с праздничными елками в школе, в районном ДПШ, дворце культуры имени Кирова, день рождения маминей сестры, хождение в гости – все отодвигало, оттягивало поход в «Гастроном» за счастьем. О, как сладостно томила возжеленная встреча с бесподобным желатином. В самом слове, ес-

ли к нему приглядеться, если к нему прислушаться, можно увидеть желание, а, может быть, и вожеление.

Каникулы благополучно кончились, и с тем, чтобы достойно завершить праздник, а, может быть, и продлить его, в первый же учебный день, 15 января, прямо из школы, не заходя домой, двинулись тропой искателей счастья в «Гастроном».

Конечно, можно было бы выбить триста грамм одним чеком, но есть неизъяснимая сладость в том, чтобы самому протянуть чек покорному твоим желаниям продавцу и попросить то, что еще никогда не радовало душу, не согревало сердце.

На сто пятьдесят грамм вышло по шесть заветных плиток! Они слегка гремели, слегка позванивали. Продавец с хрустом разломал одну, точно выравнивая вес...

За младшим заняла очередь тетка в старомодной велюровой шляпе, прихваченной сверху завязанным под подбородком шарфом. Ее сонные глаза, казалось, уже ничего не видели, а прикрытые шарфом уши и слышать ничего не могли. Но когда младший протянул чек и объявил: «Сто пятьдесят желатина, пожалуйста», тетка словно проснулась.

«Вас мама послала?» – вдруг поинтересовалась почти что старуха, едва ли едавшая за свою долгую жизнь вдоволь желатина.

«Мы сами», – сказал старший, сжимая кулек с хрупким продуктом.

«Зачем он вам?!» – пристала тетка чуть ни в крик.

«Есть. Зачем еще?» – не без гордости произнес младший, не отрывая глаз от весов, куда нагружал полупрозрачные плитки мону-ментальный продавец в высоком крахмальном колпаке.

«Это не едят», – с тревогой, словно речь шла об отраве, сказала тетка.

«А мы едим», – заносчиво сказал старший.

«Товарищ продавец, – через голову младшего взмолилась тетка, – дайте им попробовать... Дайте кусочек!»

Продавец на минуту задумался, наконец, отломил уголок от плитки и протянул младшему.

«Ешь, ешь...» – подгоняла тетка.

Казалось, что на зубах хрустнуло стекло. Кусочек счастья вкуса не имел. Осколки были колючими, казалось, что ими можно было порезать язык и десны. Старший с надеждой смотрел на брата.

«Как вкусно, правда? – обрадовалась тетка, и снова к продавцу: Отдайте им чек... Вы же видите...»

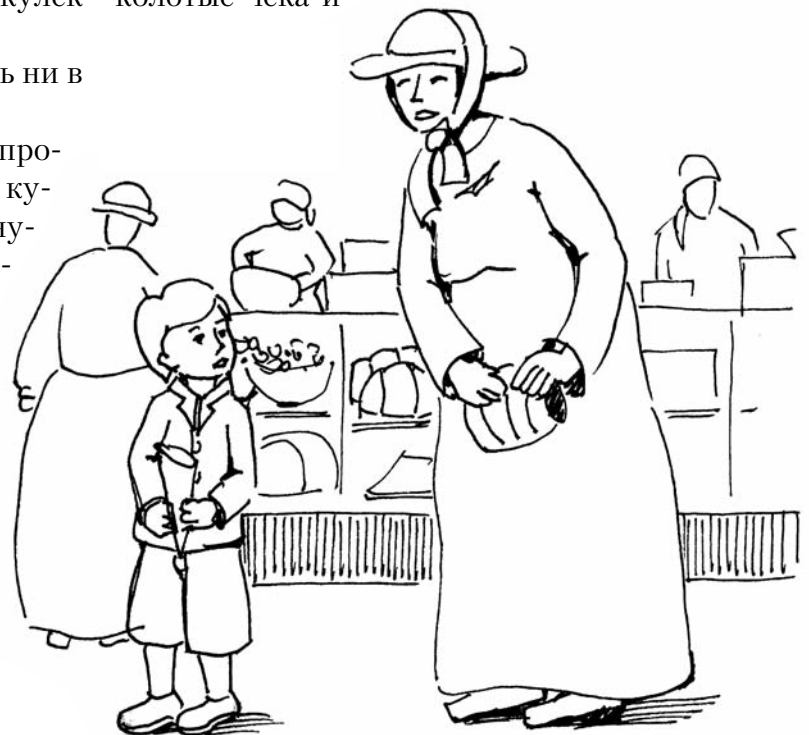
Что должен был видеть продавец, она не пояснила, но видели они перед собой явно не одно и то же.

«Я уже проколол», – глядя куда-то вдаль, произнес величественный продавец бакалейного отдела, несущий свой белый колпак, как бог помазанные носят свои алмазные короны.

«Прошу вас, дайте мне чеки... Я подпишу у заведующей...» – настойчиво сказала тетка, демонстрируя немалые знания правил советской торговли.

С высоты своего положения и роста продавец почти не различал плывущую в течение дня вереницу покупателей. Но слух его не обманул, он услышал в словах этой замотанной в тронутый молью шарф интонацию того упорства, что, надо думать, оказалось неодолимым для чужеземцев, посягавших на Город.

Вялым жестом, не лишенным некоторого величия, он достал из-за уха спрятанный там огрызок химического карандаша, подписал оба проколотые чека и

протянул настырной тетке, не удостоив ее взгляда, правда, губы чуть скривил, давая понять безмерную свою снисходительность.

«Давай», – сказал продавец и протянул руку к старшему брату, все еще державшему в руках кулек с желатином.

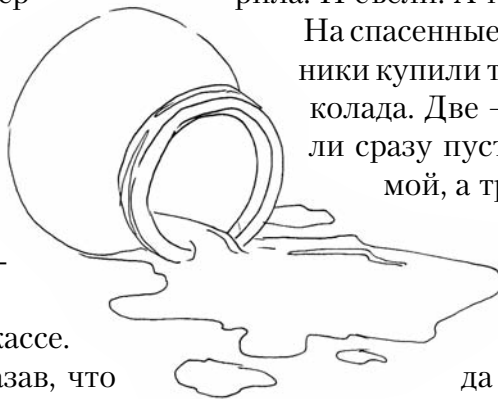
«Идите в кассу, деньги вам вернут...» – тетка вручила младшему, стоявшему рядом, чеки, проколотые, но возвращенные к жизни магической подписью самодержца из бакалейного отдела.

Искатели счастья поплелись к кассе.

А ведь тетка врала! Врала, сказав, что «это не едят». И прекрасно она помнила, как в недавние, незабываемые годы, в пустынном кухонном столе, забитом уже не нужной своим раз-

нообразием посудой, в латке-утятнице был обнаружен пакетик желатина. Вот была радость! Было решено сварить желатиновый «бульон». Ну и пусть – клей, но из костей и кожи! И сварила. И съели. А теперь вот: «Это не едят!»

На спасенные теткой деньги путешественники купили три полноценные плитки шоколада. Две – «Золотой ярлык» – решили сразу пустить в расход, не заходя домой, а третью, «Золотой якорь», решили «заныкать» до 8-го марта, благо, ждать всего то месяц с небольшим. По рассказам матери, отец, когда еще ухаживал за ней, всегда покупал «Золотой якорь», может быть потому, что мать в ту пору работала стивидором в Морском порту.

Операция «Бучков хвост»

Этот город, запущенный, как часы, триста лет назад, не мог остановиться ни на минуту.

Мор холерный, наводнения, ураганы, пожары, вражеская осада – ничто не могло остановить этих часов, как и течение рек, речек, каналов, протоков, ериков и ручьев, полных воды.

Говорят, в воде зародилась жизнь. Возможно. Вполне возможно. Но то, что жизнь в воде продолжается, продолжается в форме рыбы, это факт, подтверждаемый удочкой и поплавком. Убедиться в этом может любой. И если по берегам Малой реки и на мосту не толпятся жаждущие поймать рыбу, так это только потому, что большая мысль не всегда приходит в голову большим!

Халва, маслины, желатин остались в прошлом. В четвертом классе люди на мир смотрят уже серьезно. А уж о шестом классе и говорить не приходится.

После возвращения с каникул Ивлиев рассказывал, как с матерью летом, в деревне Залучье под Лихославлем ловили рыбу в озере. Ясное дело, в озере ловить рыбу проще, чем в реке, из озера ей некуда деться, другое дело – река. Но ловят же и на реках рыбу?! Тем более, если рядом мост. Это с берега поймать трудно, далеко ли закинешь удочку, а с моста? Выбирай любой из двадцати быков, подпирающих проезжую часть, как вытянувшаяся от берега к берегу многоножка. Разумеется, чем ближе к середине, тем крупнее рыба. Но! Там нет-нет и даже сейчас какой-нибудь шалый буксир может всю рыбу разогнать. Это первое. Второе. Для середины реки нужна снасть серьезная, какая там глубина? Неизвестно. Да и течение будь здоров...

«Скажи мне, Ивлиев, скажи мне, друг мой, удочки вы с матерью оставляете в деревне Залучье или привозите с собой в город?»

История с циркулем в носу осталась в прошлом.

«Ага, оставь... Шиш на следующий год найдешь. Удилища оставляем, а снасть берем. А по-

том, не обязательно же мы опять в Лихославль поедем...»

«Прекратите болтовню!» – протрубила Юлия Дмитриевна.

«Нет, Юлия Дмитриевна, – мысленно ответил кандидат в рыбаки, – это не болтовня. Это тайна! И об этой тайне не знает ни одна душа в мире».

Была большая опасность того, что старший брат, умеющий всегда видеть препятствия – «А где взять то?.. А где взять это? Да кто же нам разрешит? А если милиция?» – может загубить все дело, может проговориться, а потому должен быть посвящен в последнюю минуту, когда останется только взять орудия лова и пойти.

Ивлиев пообещал дать все необходимое в обмен на перочинный нож с отбитыми костяными накладками. Леска, поплавок, грузило, крючок, намотанные на картонку, были в кармане!

Удилище.

Кусты сирени в садике при Благовещенской церкви были изучены самым серьезным образом. Да, это не веточку, не букетик наломать, здесь надо хлыст брать от корня. Кто же позволит, если все деревья в городских садах уцелели даже в самые лютые зимы во время осады.

Искал далеко, а нашел рядом. В бывшей ванной комнате, обращенной в кладовку, среди старых керосинок, противогазов, тазов, ящиков и всевозможного тряпичного хлама вроде прожженного матраца и старых ватников, обнаружилось настоящее бамбуковое удилище.

Да, удилище было с трещинами и верх немножко надломан, была опасность, что большую рыбу оно не выдержит, но если трещины хорошо перебинтовать, укрепить, верх подмотать изоляционной лентой, так еще как выдержит!

События стали развиваться со всей неотвратимостью.

Кто владеет тайной и умеет ее хранить, знает, как это трудно – владеть и хранить. Еще не зная сказки про последнего выжившего цирюль-

ника, знавшего тайну своего царя, младший с каждым днем, с каждым шагом, приближаясь к осуществлению замысла, томился тайной безмерно.

Нужно было выждать момент, и он выждал.

Нужно было угадать настроение брата. И он угадал!

В этот день брат получил две пятерки, по ботанике и по английскому, о чем младший узнал еще во дворе школы.

«Мой генерал, вы умеете хранить тайну? – Они вышли из школы на Малый проспект и двинулись к дому. – Дайте зуб!»

«Получите!» – сказал генерал и ритуальноковырнул ногтем клык.

«От Советского информбюро... – с левитановской весомостью в каждом слове возвестил младший. Шедшая навстречу дама с тревогой оглянулась. Звук пришлось убавить. – В зарубежной печати распространяются слухи о том, что в одном из городов СССР готовится операция “Бучков хвост”. Цель операции – снабжение отдельных категорий горожан рыбой».

Младший решил, что сказанного пока достаточно. Нужно было посмотреть, клюнул ли старший братец.

Клюнул!

«И как это?» – солидно помолчав, спросил брат, прикрыв любопытство усмешкой.

«Совинформбюро доводит до сведения граждан, организаций и зарубежных стран: для проведения операции “Бучков хвост” все готово. Операция будет проведена в намеченные партии и правительством сроки».

Прежде, чем спросить, старший снова помолчал и только напротив дома, где жил Миклухо-Маклай, о чем еще не возвещала памятная доска, как можно равнодушной произнес:

«Где?»

«Бучков хвост!» – доверительно, не разжимая губ, произнес младший.

«С моста?» – искренне удивился старший.

«Мой генерал, – младший оглянулся и перешел на шепот, – мама вам говорила – «стены имеют уши».

«Так нужно крючки, поплавок...» – как о чем-то недостижимом напомнил старший.

«Крючок и поплавок в полной готовности, мой генерал!»

«А удилище?»

«Есть. Бамбуковое вас устроит?»

«Откуда?»

«От верблюда, мой генерал! Какой-то верблюд оставил его в кладовке, где была ванная».

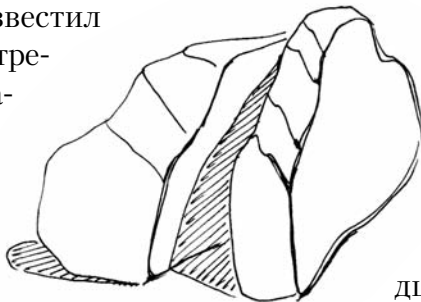
«А чья удочка?»

«Не имеет значения. Если начать расспрашивать, полетит вся операция. Вечером вынесем и положим между сараями».

«В дрова можно засунуть», – мудро посоветовал старший.

Клюнул? Какое – клюнул? Сам не заметил, как проглотил без подсечки!

«А черви?» – это уже был вопрос союзника, сообщника, подельника, человека, видящего трудности и готового их преодолеть. Здоровый скепсис так и остался где-то напротив дома Миклухо-Маклая, кстати, владевшего двенадцатью языками.

Остров давал приют искателям приключений, возвращал, заряжал энергией, а потом пускал куда подальше. Так в доме №28 по первой линии одиннадцать лет прожил Петербургской 1-й гильдии купец Генрих Эрнестович Шлиман, да, да, тот самый, первооткрыватель Трои. На 8-й линии набирался сил не нуждающийся в рекомендациях Семенов-Тяньшанский, почетный член Академии Наук за исследования Азии и действительный член Академии художеств за труды по истории нидерландской живописи. Кстати, свою коллекцию картин и графики фламандских и голландских мастеров, одну из лучших в Европе, Петр Петрович передал в Эрмитаж за четыре года до завершения всех своих земных путешествий и трудов...

Это сколько же интересного народа повидал Остров, всех и не упомнишь!

«Черви!» – напомнил старший.

«Проведена разведка. Между коровником гражданина Шахматьева и свиарником гражданина Будилова советские геологи окрыли богатое месторождение червей. Я говорил с академиком Ивлиевым, советует хлебный мякиш.

Лещи у наживки будут толкаться плавниками, как граждане локтями в булочной!»

«Откуда это ты академика знаешь?» – старший со своими привычными недоумениями снова попался на удочку.

«Учусь в одном классе два года и не знаю? Леска и крючок – его. Все готово, мой генерал».

«А что ты раньше не сказал?»

Было даже обидно, что у него под носом готовилась грандиозная операция, а он ничего не видел. Только сейчас он стал вспоминать, почему это младшему понадобилось вывинтить лампочку с лестницы у входа на чердак и вернуть в кладовку. Изоляционная лента ему вдруг понадобилась... Было за что зацепиться, проглядел.

«И когда ты думаешь?»

«В первый безветренный день».

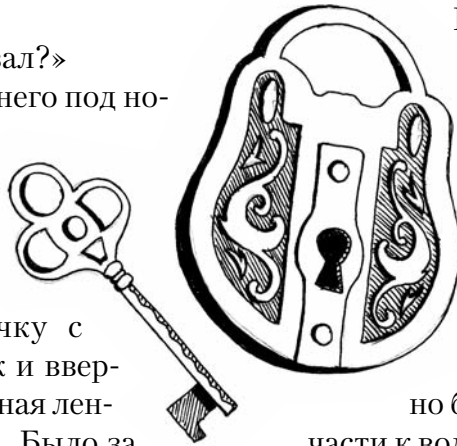
«Теперь дождешься...»

«Сегодня предлагаю сходить на “Бучков хвост” и оценить обстановку».

Справедливости ради надо сказать, что у старшего тоже была своя тайна. Сообщать о ней малообразованному, еще не доросшему до законов физики брату было бессмысленно.

Мысль родилась, когда в очередной раз он увидел, как сыпятся искры с трамвайного бугеля при повороте.

В военную пору со спичками было туго, да и зажигалки были достоянием счастливцев, а народ попроще пользовался для закуривания «катюшей», инструментом, близким к первобытным. К кремню прижимался пропитанный чем-нибудь горючим фитиль, и кресалом из кремня выбивалась искра... Фитиль начинал тлеть и от тлеющего фитиля хочешь – прикуривай, хочешь – разводи костер. В отличие от зажигалки, огонь которой можно легко задуть, тлеющий фитиль, если на него дуть, только шибче разгорается. «Это будет – огниво!» Вот и пригодилась датская сказка! «Но это будет – электрическое огниво!»

Вот так из трамвайной искры возгорелось пламя мысли... Брат знал, что его имя рано или поздно будет стоять рядом с именами Доливо-Добровольского и Роберта Вуда, а может быть... Да что загадывать...

Впрочем, до экспериментов, после которых летели пробки, в квартире гас свет, а Кузнецов с жужжащим фонариком в руках искал вредителя, до этого еще было далеко. Но не очень.

Наскоро перекусив, братья двинулись к реке.

Мост был знаком, как свои пять пальцев, все двадцать его деревянных опор были оснащены деревянными лестницами, по которым можно было спуститься с дощатой проезжей части к воде. Впрочем, лестницы не опускались в воду, а упирались в поперечные балки внизу, на которых вполне можно было расположиться вдвоем.

Ближе к середине моста с каждой стороны возвышался прибитый к перилам решетчатый щит со спасательным пробковым кругом, в половину выкрашенным белой и красной красками. Наименование моста, начертанное черной краской, предусматривало возвращение спасательного круга на свое место после надлежащего использования. Здесь же на металлическом щитке можно было изучить инструкцию, в каких случаях и как пользоваться спасательным кругом. Но щит предполагал еще одну снасть для помощи терпящим бедствие на воде – «конец Александра». Инструкция на металлическом щитке состояла из двух частей: 1 – спасательный круг, 2 – «конец Александра». Ни на одном мосту в городе, оснащенном спасательными средствами, «конца Александра» никто никогда не видел. И если его когда-то и вывешивали, находчивые горожане тут же находили ему какое-то неотложное употребление, считая спасательный круг вполне достаточным и надежным средством в случае бедствия.

Еще одной непременно деталью всех больших мостов в городе был милиционер. Из состра-

дания к служившим на продувном месте мильтонам на мостах, не самых главных в городе, даже воздвигалась деревянная будка. Грация мостов через Большую реку не позволяла никаких дополнительных надстроек.

Подготовка к предстоящей операции предусматривала выбор опоры, с которой предпочтительно вести промысел, это первое. И второе. Найти способ выйти на промысловую позицию мимо глаз мильтона.

Первая и вторая опора были отвергнуты без обсуждения. Слишком близко к берегу, здесь рассчитывать на хорошую рыбу не приходилось. Пятая опора, конечно, обещала отличный клев, но – глубина! Хватит ли ивлиевской снасти? Поверху, как известно, крупная рыба не плавает. Стало быть, остается выбрать или третью, или четвертую от берега опору. Выбрали четвертую.

Теперь нужно было проверить, видны ли они будут там, внизу, идущим по мосту пешеходам. Не видны! Ну, конечно, если подойти к перилам, перегнуться, тогда все видно, а так... Идут люди через мост, и ни один не остановился и не стал разглядывать, сидит там кто-нибудь внизу или не сидит.

Отлично!

И мильтон. Здесь никаких сложностей не должно быть. Ему полагается ходить по мосту, и он ходит. Мост почти не горбатый. Разводная его серединка совсем немного поднимается по сравнению с береговой частью. Ничего, зато он длинный. Пока от середины моста мент дойдет до того берега, можно десять раз и спуститься, и выбраться обратно. И еще одно было удобство. На опорные быки было два спуска, две лестницы, снизу по течению и сверху. А между быками лежали две балки, обтесанные так, что по ним можно было при известной ловкости и бесстрашии пройти прямо под мостом.

Нет, что ни говори, все складывалось как нельзя лучше!

Осталось – испытать милиционера.

Выждав, когда мильтон двинется от того берега к этому, братья отправились к щиту со спасательным кругом. Остановились и стали читать рекомендацию на жестянке, словно в первый раз.

«Извините, – обратился младший к подошедшему мильтону, – здесь написано – «конец Александрова», а где он?»

«На что он тебе?» – не всерьез, а больше для скуки, спросил мент.

«Мне не нужен, но утопающему может понадобиться».

«Ишь ты, какой заботливый. Будешь утопать, найдется тебе “конец Александрова”! Проходите. На мосту стоять не положено! Двигайте!»

Милиционер был вооружен. Стоячий воротник кителя петлей огибал малинового цвета шнур, плавно спускавшийся к рукоятке нагана в кобуре. Такая манера носить оружие перешла к милиционерам прямо от старорежимных городовых.

Братья двинулись домой.

Конец сентября решил побаловать горожан парой солнечных дней.

Удилище было на глазах удивленной дворовой мелюзги извлечено из кладки будиловского баланса. Здесь же, чтобы не терять времени на месте лова, леска была закреплена по-боевому, поплавок установлен на полтораметровую глубину, спичечные коробки – одна с червями, другая с хлебным мя-

кишем, были распаханы по карманам у младшего.

«Видал?» – старший показал бечевку, привязанную поперек небольшой палочки.

«Что это?» – удивился младший.

«Тоже мне, рыбак! – с достоинством сказал старший. – Ты пойманную рыбу как понесешь?»

Действительно, эту важнейшую часть промысла младший не предусмотрел, и теперь старший мог в полной мере насладиться своим природным превосходством.

«Это – кукан! Этот конец бечевки пропускаем под жабры, вытаскиваем через рот, и рыба скользит вот до этой деревяшки и никуда уже не денется...»

«А чего веревка такая длинная?» – Неужели брат уверен в таком богатом улове?

«На этой веревке, если ее закрепить, то пойманную рыбу можно опустить в воду. Пусть, пока мы ловим, еще поплавает. Свежей будет».

Удилище без разговоров взял в руки старший.

«А вы куда, лыбу ловить?» – любопытствовала дворовая мелюзга.

«На Кудыкины горы!» – сказал старший.

«Много будешь знать, скоро состаришься!» – сказал младший.

Когда вооруженные орудием промысла братья решительно двинулись по Малому проспекту к месту лова, небо затянуло серой пеленой и поднялся слабый ветерок.

У этих двоих в кепоках и коротких осенних куртках был такой решительный вид, что прохожие даже оглядывались – почему-то, главным образом, женщины.

У моста, около кирпичной кладки терема, где размещался общественный туалет, был проведен последний Военный совет. Все участники совета были в сборе. Их было двое. Исходя из обстановки, было принято решение о выходе на позицию.

Бесстрашные юные партизаны вот так же выжидали, когда часовой отойдет подальше от склада, чтобы рывком подбежать, положить мину и убежать или затаиться.

«Ждем, когда он, – мильтона даже не называли полным званием, – двинется к тому берегу... Что-то я его не вижу? Слушай, а где он?»

Действительно, что-то среди немногочисленных прохожих приметной фигуры видно не было. Такое могло быть! Но он мог и появиться в любой момент.

«Вперед! – скомандовал старший. – Если что, вернемся...»

Чуть пригнувшись и держа удочку параллельно земле, партизанской пробежкой братья ринулись на мост.

Смотрели во все глаза, оглядывались... Тянулся трехвагонный, в два прицепа, трамвай «шестерка», соединявший Смоленские кладбища с Финляндским

вокзалом, ехали редкие машины, развозившие продукты, проехал синий фургон, обдав братьев кислым запахом теплого хлеба – мильтона нигде видно не было.

Это удача!

У четвертого быка, еще раз оглянувшись, старший перемахнул через перила и встал на лестницу.

Младший подал ему удочку и на лестницу пролез под перилами.

Внизу было просторней и удобней, чем можно было ожидать.

Сели на балки верхом.

Младший держал удочку, пока старший насаживал червя. Червь извивался и не хотел лезть на крючок.

«Надо не так...» – хотел подсказать младший.

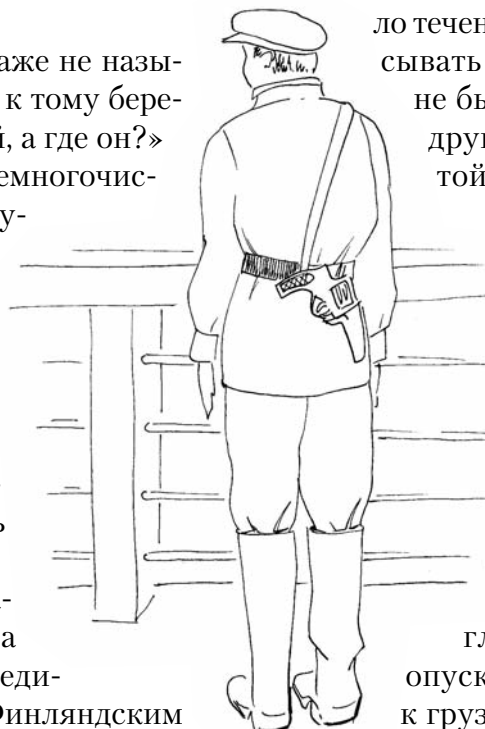
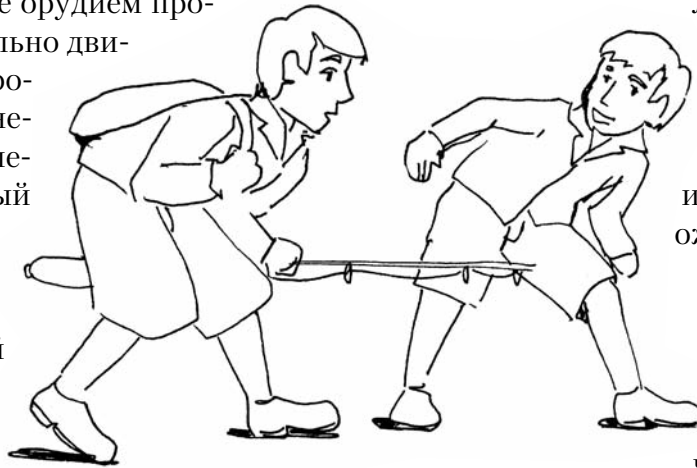
«Вот и надевай, если знаешь...» – сказал старший, но ни червя, ни крючок не отдал.

Наконец, червь то ли сам смирился со своей участью, то ли сил больше не стало бороться, но упорство рыбака было вознаграждено. Червь занял свое место, был оплеван, и снасть, наконец, была заброшена между четвертым и третьим мостовыми быками.

Поплавок довольно быстро сносил течение и приходилось перезабрасывать снасть, а поклевки пока что не было. Попробовали бросать в другую сторону, между четвертой опорой, на которой сидели, и пятой. Раз... три... десять...

наконец, двадцать!.. Ни единой поклевки. Поплавок скользил по воде, чуть покачиваясь на мелкой ряби, и только. Пробовали поменять наживку... Но хлебный мякиш после четвертого, третьего забрасывания смывало... Пробовали поменять

глубину, то поднимая, то опуская поплавок по отношению к грузилу...

Ветерок из прохладного стал холодным. Рябь на воде мешала следить за пляшущим поплавком. Начало смеркаться.

Удочка была в руках у старшего, когда на лестнице с противоположной стороны моста показались сапоги и форменные галифе милиционера. Он спускался, боязливо переставляя по очереди ноги со ступеньки на ступеньку. Вот он уже весь встал на нижнюю опору.

«Атас!» – крикнул младший, и спасительный ужас бросил его в воду. Хватило и доли секунды, чтобы представить, как сейчас мент развернется, достанет свой наган, прицелится и откроеет огонь...

Бросив удочку, старший ринулся в воду следом.

Плюхнулись так удачно, что даже кепки уцелели на голове.

Младший, в страхе, не чувствуя обжигающе холодной воды, успел оглянуться, не кинулся ли за ними в воду мильтон. Но перепуганный милиционер полез обратно на мост, все так же аккуратно переставляя ноги со ступеньки на ступеньку.

До берега было метров тридцать, разом намокшая одежда становилась все тяжелей и тяжелей... Выгребали изо всех сил.

Младший быстро соображал: мент вот-вот вылезет на мост и начнет оттуда стрелять... Надо успеть добраться до берега...

«Нажимай!..» – крикнул старшему, что было сил разгребавшему брассом воду с легким запахом мазута.

Странное дело, ни младшему, ни старшему и в голову ни пришло, что милиционер пополз наверх за спасательным кругом, поскольку «конец Александрова» на мосту отсутствовал.

Однако охранитель моста рассудил здраво: если бросить спасательный круг с надписью моста, то происшествие будет иметь привязку к его объекту, к его дежурству, и когда два утопленника рано или поздно всплывут, может сложиться неприглядная для него картина. Так что главное было – скорее подняться на мост и по-

смотреть, не пришло ли кому из прохожих в голову бросить в воду спасательный круг. Но, вскарабкавшись, наконец, на мост, он с облегчением увидел, что оба спасательных круга на месте. А куда поплыли «рыбаки», лучше было и не смотреть.

В ту пору гранитная набережная на Малой реке была только от Стрелки Острова до моста, а ниже моста был простой земляной откос, так что из воды можно было выходить на берег, кто где хочет.

Почувствовав под ногами дно, младший первым делом сдернул кепку, отжал и вытер ею лицо, чтобы в наступающих сумерках получше разглядеть мост. Сердце от страха готово было выпрыгнуть и спастись самостоятельно.

От того, что никто в них с моста не целился, никто к ним и не бежал, можно было представить, что мильтон больше им не грозит. Теперь главная угроза – мать. Явиться домой в таком виде?.. Но до ее возвращения с работы было еще часа два с половиной.

В одежде, истекающей водой, братья ринулись под сень общественной уборной, не пользовавшейся особым спросом в этой немногочленной части Острова.

Раздеться пришлось до трусов. Собственно, и трусы были сняты и отжаты по всем правилам с двумя оборотами через голову до первого треска. Отжать майки, чулки, рубашки, тоже дело простое. А вот штаны! Куртки!

В разгар отжимных работ к ним заглянула, наконец, любопытствовать старушка-клозетмейстерша, располагавшая скромным собственным апартаментом между мужским и женским отсеками учреждения.

«Вы что тут, мальчишки?.. – спросила старуха, увидевшая голых мальчишек, крутивших над головой свернутые в жгут штаны. – Никак, вы купались?»

Купальщики ответили ей молчанием.

«Да, никак, вы одетые купались?..»

Надо думать, купальщики были редкими посетителями вверенного старушке заведения, и потому их появление внесло некоторое разнообразие в повседневное течение службы.

Мокрая одежда с трудом возвращалась на свои места. Особенно нелегко было засунуть ноги в мокрых чулках в мокрые насквозь ботинки. Приходилось плясать на одной ноге и прижиматься к холодной стене, поскольку присесть было не на что.

– Почему он не свистел? – балансируя на одной ноге, спросил младший.

– Кто? – спросил старший.

– Дед Пихто! Мильтон!

Действительно, милиционер был вооружен свистком и наганом. И свисток был самым первым средством пресечения правонарушения. Увидел человека, едущего на трамвайной колбасе или висящего на подножке, чтобы не платить за проезд, не стреляет же милиционер, свистит.

– Если бы засви-вистел, народ бы сбе-бежался... Или боялся нас спу-пугнуть, – предположил старший, слегка заикаясь от только что пережитого.

– Ага... Хотел, гад, живьем в воду столкнуть...

– Сам-то в воду лезть побо-боялся, – победительно выдавил старший.

Страх, только что пережитый от минувшей опасности, и страх при мысли об опасности, грозящей дома, был так велик, что купальщики даже не очень-то и холод чувствовали. Может быть, и бойцы на фронте, которым приходилось форсировать реки и болота не в купальный сезон, так же, в предощущении грозящих неприятностей, не замечали ледящего холода.

Легкой рысью, оставляя мокрые следы на пудожского камня тротуарных плитках, еще не веря в свое избавление от милицейского преследования, мчались начинающие рыболовы мимо дома Миклухо-Маклая, мимо дома, где обитал генерал Корнилов, тогда еще штабс-капитан, мимо подворотни, куда входил неистовый Виссарион, мимо знаменитой на всю Россию фортепианной фабрики Беккер, ставшей после

октябрьских событий «Красным Октябрем», мчались к дому, чтобы успеть...

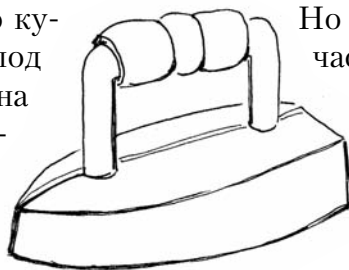
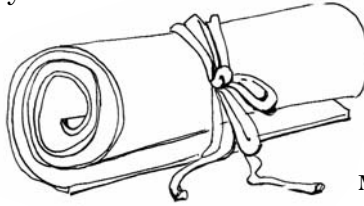
Выходившая из четвертого номера на третьем этаже Ксения Фоминична Школьниковы, несмотря на свою фамилию женщина на редкость безвредная, увидела поднимавшихся по лестнице мокрых братьев из пятого номера и не удержалась спросить: «Дети, на улице дождь?» «Попали под поливалку», – нашелся старший. «Это где же вы сейчас...» – попробовала войти в подробности добрейшая Ксения Фоминична, но юные акванавты уже взбежали к себе на четвертый, оставив соседку в недоумении: «Может быть, все-таки вернуться за зонтом?»

Электрический утюг в доме был, но пользоваться им было не принято. Квартуполномоченный Кузнецов, тот самый, полководческой стати, с женой в булочной и коровой во дворе, строго следил за расходом электроэнергии и безошибочно обнаруживал, кто включил утюг или электроплитку, что неукоснительно отражалось в расчетах за электричество. И потому утюг держали в платяном шкафу, не на виду, и пользовались им только в исключительных обстоятельствах и ближе к ночи.

Переоделись в сухое. Постелили на обеденный стол поверх скатерти тощее байковое одеяльце. Утюг грелся мучительно медленно...

Но грелся! До прихода мамы оставался час, если повезет и задержится в магазине, будет еще полчаса, может быть, час. Наконец, утюг набрал силу и мокрая рубашка, исходя паром, стала обретать благопристойный вид. Первыми были выглажены, то есть высушены, рубашки. Еще чуть влажные они были повешены на спинки стульев. Со штанами было не так просто. Старший гладил, парил, а младший стоял у розетки, по команде включая и выключая утюг; простое его устройство не предусматривало автоматической регулировки температуры.

Высушить утюгом курточки было делом безнадёжным, немножко повозили утюгом и просто спрятали, чтобы потом повесить как-нибудь на вешалку, чтобы за ночь подсохли. Не высох-

нут? Ничего, до школы, в конце-то концов, можно добежать и в мокрых.

Успели не только штаны высушить, но и трусы, и майки, и чулки!

К приходу мамы, припозднившейся на профсообрании, сыновья в отутюженных рубашках и отпаренных штанах выглядели образцово.

«Что с вами?» – ахнула мать.

«Завтра пионерский слет, надо выглядеть поприличнее», – сказал старший.

«Какие же вы все-таки у меня молодцы, – мама откровенно любовалась сыновьями. – Все

умеете, если захотите. Неужели нужно ходить охламонами и ждать слета? Ведь самим приятно на себя посмотреть... И мать порадовали. Ну, спасибо. Порадовали маму».

Мать обняла сыновей и чмокнула обоих в маковку.

У мамы был не только абсолютный музыкальный слух, но и тонкое чутье на запахи. Ей показалось, что волосы на головах сыновей чуть-чуть пахнут рекой...

Скорее всего, показалось.

Автор (слева) и его старший брат. 1948 год

Если зван роуижки - барои и
баронесса, разве ер званя засауа
в зои, что беа позижаш баронои?

Родившииас князьями, принцами,
герцогами, маркизали и парбцем
о палеу не наго ударяв, зобот
носирь свой зижул.

Но ер еше одно звание, по
моему убеждению, самое високое!

Да, все мы роуи, но звание

каждый человек
каждый из нас должеи помисла-
ми и делами подуберидеав
каждый прожитьи день, и бак
всю жизнь.

Инаге - кто же мы?

Ваш л. к.

